

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК Советской Юстиции

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА:

Москва, Кузнецкий Мост, д. 7. Телеф. 2-80-42
3-18-42

ЦЕНА НУМЕРА в Москве и провинции 35 коп.

№ 18

10 мая 1925 г.

№ 18

Целесообразность, как социально-правовой принцип советского законодательства.

(О пределах применения 4-а ст Угол. Проц. Код.).

В старом праве до последнего времени господствовало убеждение, что консерватизм и особенная устойчивость норм уголовного материального и процессуального права являются несомненными их достоинствами и объясняются ценностью вложенных в них основных „культурных“ начал. Поэтому в истории права мы наблюдаем характерную особенность, что всякие изменения, вносившиеся в уголовные кодексы, проходили чрезвычайно медленно, подвергаясь предварительной, — часто целыми десятилетиями, — разработке в комиссиях, прежде, чем получить силу действующего закона.

Не то мы видим в действующем советском праве. Оформленное в кодексы наше уголовное право, едва возникшее на протяжении последних двух-трех лет, уже успело подвергнуться коренным изменениям отдельных частей и норм и украсилось пестрыми цветами целого ряда новелл, направленных не только к объединению системы судов, к развитию основных начал социалистического правосознания, к укреплению классового начала, но также и к упрощению процессуального судопроизводственного порядка.

Несомненно, эти новеллы являются отражением социального содержания и классового характера всего советского строя и подновляют лишь правовую надстройку его применительно к растущим с каждым днем потребностям жизни строящегося рабоче-крестьянского государства.

Если бы даже было справедливо указание старых юристов, что первые проекты наших уголовных кодексов построены внешне по образцам западно-европейских законодательств, то бесспорно, что все последующие изменения их, как и те, которыми в дальнейшем будут наслаиваться эти кодексы, все более и более отводят наше пролетарское судебное право от всякого сравнения с законами буржуазно-демократических правительств.

Не говоря уже о принятых нашими кодексами общих началах применения наказания с неприемлемыми для других законодательств 9 и 10 ст. Уг. Код., не говоря о введении в кодексы статей, допускающих и требующих в определенных случаях вмешательства публичной власти в сферу гражданско-правовых отношений и частных интересов (10 ст. УПК, 2 ст. ГПК, 130 и др. ст. Уг. Код.), можно отметить хотя бы изъятие из сферы судебного рассмотрения целого ряда дел о служебных преступлениях, передаваемых в дисциплинарные суды и ведомственные органы или принятые последней сессией ВЦИК положения о наказуемости в административном порядке некоторых уголовных правонарушений (99, 140-г, прим. к 180-д, 216, 217-а, 220, 220-а, 221, 222, 223 и 225 ст. Уг. Код.), чтобы сказать, что все эти новеллы, не в пример законодательствам буржуазных стран, указывают на чрезвычайную подвижность и социальную динамику нашего уголовного права.

Это диалектическое развитие нашего права, объясняемое социальной сущностью исключительного по структуре советского государства, есть существенная особенность всего советского законодательства, отмежевывавшегося с первых же дней существования советского строя от всякого сопоставления с законодательствами зарубежного буржуазного мира.

Одна из последних новелл Угол.-Проц. Кодекса, ярко отражающая новые достижения советского права, вносит еще новые начала в область уголовной политики, являя, с точки зрения враждебных нам по духу государственных объединений, недопустимую аномалию в судебном праве.

Мы говорим о 4-а ст. Уг. Проц. Код., предоставляющей право следователю и прокурору возбуждать вопрос о прекращении дел, а суду прекращать дела, не доводя их до судебного рассмотрения, в тех случаях, когда деяние при-

влекаемого к уголовной ответственности лица, хотя и содержит в себе признаки преступления, предусмотренного Угол. Кодексом, но не может признаваться общественно-опасным вследствие своей незначительности, маловажности и ничтожности своих последствий, а равно и в тех случаях, когда возбуждение уголовного преследования или дальнейшее производство дела представляется явно нецелесообразным. (Пост. ВЦИК и СНК от 9 февраля 1925 г.). Это—вновь яркое доказательство диалектики нашего правотворчества, вытекающей из существа конституции советского строя, рассматривающей суд не как отделенную от законодательной и административной власти функцию, а лишь такую ведомственную организацию, которая наряду и одинаково с другими советскими органами проводит единую классовую политику как в области коллективного административно-хозяйственного строительства, так и в деле защиты государства от враждебных и чуждых ему и опасных элементов.

Поэтому нельзя, конечно, объяснять введение в Угол. Кодекс указанной поправки только намерением законодателя, в виду временной неналаженности нашего судебного аппарата, дать разгрузку работы чрезмерно загруженных делами следственных и судебных органов нашей Республики. Разгрузка судов от излишнего балласта дел, исключительно как практическая мера к урегулированию работы советской юстиции, уже практиковалось у нас и ранее и отливалась в другие формы временных случайных актов (работа комиссии т. Сольца; прекращение старых дел в порядке постановления ВЦИК от 13 мая 1924 г.).

Новелла же 9 февраля 1925 г. есть, несомненно, принципиальный акт, знаменующий новый отход советского законодательства от формальных рамок и норм, связующих суды обязательной и общей для всех дел процессуальной процедурой в ущерб рациональной экономике труда и вопреки принципу целесообразности.

Целесообразность, как основание для прекращения уголовных дел, проводится в этом законе как основной социально-правовой принцип, присутствующий по преимуществу советскому праву, по которому революционная законность заключается не в точном исполнении революционного закона, а в правильно-пролетарском понимании и рациональном применении его к жизни и не только по всесторонней оценке данного факта, но и предвидении последствий, которые могут последовать для республики трудящихся от применения этого закона к конкретным случаям жизни.

Одновременно отраженной волной введение указанной новеллы в общий процессуально-судебный закон вносит новое начало и в область борьбы с преступностью.

Обходя в дальнейшем оценку этого законодательного акта, как практической меры, освобождающей суды от излишней загрузки, и не касаясь опасений, которые вызывает у некоторых товарищей будущая практика применения этой статьи закона в смысле возможных „чреватых по-

следствий“¹⁾, нам хотелось бы здесь, исходя из общих начал нашей карательной политики, указать возможные и допустимые пределы применения этой статьи, в частности, в процессе производства предварительного следствия.

Прежде всего, следует оговориться, что допущение законом возможности прекращения дел вследствие маловажности и незначительности последствий их отнюдь не может относиться к делам, возбуждаемым в порядке частного обвинения (10 ст. УПК). Советское право бережно относится к частным лицам, интересы которых затронуты правонарушением, и дает им защиту, не входя в оценку маловажности или незначительности последствий, так как только сам потерпевший может осознать для себя ценность его благ, нарушенных правонарушителем.

Более того, в подобных случаях закон предусматривает лишь обратную сторону целесообразного вмешательства в область частных интересов путем вступления прокуратуры в дело с целью корректировать недостаточно серьезную оценку потерпевшим своего частного нарушенного интереса, тесно связанного с интересом публичным.

Таким образом, следует признать, что 4-а ст. УПК может иметь применение лишь к делам, возбуждаемым в общем порядке.

И вот здесь при оценке незначительности последствий, дающей основание к непризнанию исследуемого деяния общественно-опасным, следует в каждом отдельном случае учитывать целый ряд объективных и субъективных моментов дела.

Дело о злоупотреблениях по службе, давших незначительную выгоду привлеченному и учиненных не столько из стремления получить эту выгоду, сколько по недостаточно правильно понятым обвиняемым обязанностям службы, хотя бы при полной наличности признаков преступления, предусмотренного данной статьей, может быть направлено на прекращение.

Действия должностного лица, имеющие признаки превышения власти или дискредитирования власти и т. п., могут быть подведены под указанную статью, если помимо маловажности последствий и своевременного, хотя бы помимо воли привлеченного, предупреждения их, они не получили широкой огласки и, следовательно, не могут при постановке дела на суд иметь значение правового воспитательного фактора для восстановления престижа власти, нарушенного привлеченным обвиняемым.

По делам о хозяйственных преступлениях особенно тонкое и четкое мерило должно быть применяемо в каждом конкретном случае при оценке объективных последствий. Сумма убытков, выраженная в сотнях рублей, а может быть и в тысячах, явившаяся результатом бесхозяйственности одних операций и погашенная в процессе другого рода операций того же госоргана в последующей работе привлеченного руководителя этого госоргана, может дать основание к признанию этих убытков, последствий деяния, незначительными и к направлению дела на прекращение.

¹⁾ См. статью Подзоровского: «Прекращение уголовных дел по мотивам целесообразности». — «Ежен. Сов. Юстиции», № 10—1925 г., стр. 242.

Точно также одна небрежность (а не явная недобросовестность), как причина бесхозяйственности того или другого хозяйственника, покрытая особенно полезной старательной и продуктивной работой его в другом деле или предпрятии в тот же период времени или после, но до окончания о нем следствия, также может при незначительных объективных убытках служить мотивом к прекращению дела.

Растрата, пополненная должностным лицом и полностью покрывшая убыток, причиненный государству, хотя наш закон (113 ст. У. К.) и не знает „пополненной“ растраты, в случаях раскаяния его и представления твердых доказательств дальнейшей, безукоризненно-честной работы его при оставлении на службе или переходе на другую, также может в отдельных случаях дать следователю право представить дело на прекращение.

То же можно сказать и о делах, попадающих в процессе предварительного расследования в категорию дел о мошенничестве, где при ничтожности ущерба для потерпевшего или незначительности выгоды для привлеченного средством к совершению деяния послужило лишь нарушение доверия (а не обман), особенно при наличии заявления потерпевшего об отсутствии всяких претензий к привлеченному.

В некоторых делах о маловажных преступлениях против порядка управления, возбужденных против отдельных лиц, в особенных случаях, где есть указания на отсутствие вреда или на ослабляющие вину мотивы: неосознанность, состояние аффекта, голод, нужду и т. п. (25 ст. У. К.), также может быть поставлен вопрос о бесцельности судебного рассмотрения в виду объективной невозможности отнесения исследуемых фактов к категории социально-опасных деяний.

Наконец, случаи преступных деяний, застигнутых в момент покушения, в отношении нарушений менее опасного характера, также могут в отдельных случаях указывать на бесцельность и нецелесообразность карательного воздействия против нарушителей.

Словом, хотя нельзя перечислить всех возможных мотивов, которые могут послужить юридически обоснованными соображениями для направления дел на прекращение, однако, полная оценка всей бытовой жизненной обстановки каждого отдельного дела при учете последствий исследуемого деяния, при всесторонней оценке личности привлеченного и при общем охвате исследуемого деяния с точки зрения его общественной вредности и опасности для существующего правопорядка может нередко открыть возможность при следствии для применения 4-а ст. УПК, чтобы предупредить возможность ненужной и бесцельной постановки дела на суд или вынесения предопределенного уже до суда оправдательного приговора.

Гораздо труднее применять указанные соображения целесообразности прекращения дел в отношении таких преступлений общего характера, как, напр., дела о преступлениях против жизни, здоровья и т. д. Однако, и здесь могут быть исключительные случаи направления их на прекраще-

ние при полной наличности состава преступления: можно указать, например, случаи нанесения менее тяжкого телесного повреждения в состоянии сильного душевного волнения одним супругом другому, когда потерпевшая сторона настойчиво требует прекращения дела в виду полного примирения с привлеченным супругом и восстановления их мирной семейной жизни. В этом случае доведение дела до суда, во имя принципа *fiat iustitia*, в некоторых случаях противоречило бы началу целесообразной охраны основ хозяйственной жизни семьи.

Во всяком случае, признание новым законом за следователем, как и судом, права входить в обсуждение вопроса о возможности прекращения дела по соображениям целесообразности даже при наличии формальных признаков преступления следует признать величайшим достижением советского права, с одной стороны, уже отбросившего истлевшую на пыльных полках истории права формулу, по которой преступлениями являются только деяния, точно перечисленные в Кодексе (*nullum crimen sine lege*), а с другой, установившего ныне принцип, по которому не всякое деяние, подпадающее под признаки преступления, предусмотренного Кодексом, должно обязательно караться советским судом.

При этом следует принять во внимание, что признание принципа целесообразности, как основания для прекращения уголовного дела, вполне отвечает и основным началам общесоюзного судопроизводства, по которому задачами суда является, на ряду с другими задачами укрепления революционной законности, также и «правовое воспитание трудящихся»¹⁾. Несомненно, что только тот суд будет воспитывать в сознании трудящихся классовое и социально-правовое начала, в котором не будут фигурировать на 50% процессы с предопределенными оправдательными приговорами в отношении обвиняемых „по нецелесообразности вменения“.

Иначе перед трудящимися массами, наполняющими залы судебных заседаний, всегда может встать недоуменный вопрос: для чего понадобилась судебная процедура по делу, по которому уже в процессе предварительного расследования и до судебного разбирательства была очевидна нецелесообразность вменения в вину данного преступления привлеченному обвиняемому?

В заключение, конечно, нельзя не согласиться и с тем, что применение на практике новеллы 9 февраля может встретить в отдельных случаях значительные трудности. Этот закон не только презумирует общеизвестную истину о необходимости специальной подготовки и об особой квалификации судебного персонала, но и требует от работников юстиции исключительной внимательности и добросовестного отношения к работе, широкого социально-правового кругозора и, наконец, вдумчивого и утилитарного, в самом хорошем смысле этого слова, подхода к вопросу о задачах советской карательной политики.

Вл. Громов.

¹⁾ См. пост. 2 сессии ЦИК Союза ССР — «Основы судопроизводства СССР и союзных республик», ст. 1.

Юридическая природа месткомов.

Тов. В. Блюменау, один из московских профработников, затронул ¹⁾ чрезвычайно злободневный и интересный вопрос об юридической природе низовых органов профсоюза—месткомов. Действительно, этот вопрос давно требует разрешения и, насколько известно, в самой профессиональной среде имеются сторонники за разрешение его в том и другом направлении, т. е. за признание за месткомами прав самостоятельного юридического лица и против этого, при чем вопрос разрешается, главным образом, с точки зрения тактической—потребностей и пользы профдвижения, и, следовательно, целесообразности этой меры. Сторонники признания приводят доводы из области повседневных потребностей жизни месткома: необходимость заключения договоров общегражданского характера, как например, договор о рабочем кредите, договор с держателем столовой, договоры по культ.-просветительной деятельности и т. п., и необходимость иметь право выступать на защиту этих договоров. Противники же выдвигают опасение распыления профсоюзной работы при допущении юридической самостоятельности месткома, затруднительность надзора за единством и правильностью их действий, боязнь неосмотрительных увлечений различными операциями, которые могут привести к неплатежеспособности отдельных месткомов со всеми сопровождающими ее отрицательными последствиями. Нельзя отказать в серьезности этих доводов, но эта плоскость чисто профессионального подхода к разрешению основного вопроса об юридической природе месткома должна быть предоставлена обсуждению, главным образом, профессиональной печати. Судебных работников и советских юристов должно интересовать в их практической работе не то, как лучше разрешить вопрос в интересах профдвижения, а как он разрешается сегодня по действующему праву. В эту плоскость по преимуществу ставит его и т. Блюменау; в конечном итоге он говорит: „нигде ни в законе, ни в уставе не указано, что комитеты (месткомы) лишены прав юридического лица. Ст. 13 и 14 ГК комитеты этих прав не лишает“. Попробуем проверить этот вывод с точки зрения действующего права и, мне кажется, мы придем к противоположному заключению, а кроме того признаем, что этот вывод и не нужен для тех целей, на которые указывает В. Блюменау в словах: „Жизнь властно толкает комитеты на путь деятельности. При взятом профсоюзами курсе на всяческое развитие самостоятельности“, и т. д.

Прежде всего, надо твердо усвоить себе одно положение. Признание за месткомами прав юридического лица означает признание их существования, как самостоятельной хозяйствующей и управляющей единицы, обладающей всей совокупностью управомочий в гражданском обороте, но на этом остановиться нельзя, отсюда с необходимостью вытекает свобода в выборе объединения с другими такими же самостоятельными и равно великими месткомами, свобода вхождения в объеди-

нение и отказа от него. Несомненно, все профдвижение идет по обратному пути. Отсюда необходимо решительно отвергнуть утверждение т. Блюменау о том, что „комитет является полномочным и единственным представителем объединения граждан, работающих на данном предприятии. Такое построение профессиональных организаций было бы тождественно с организацией кооперации, где мы, действительно, имеем ряд совершенно самостоятельных юридических лиц, первичных кооперативов, имеющих каждое свой собственный устав, кассу и имущество и в целях наилучшего достижения своих задач по собственному устройству объединяющихся в союзы, возглавляемые, в конце-концов, Центросоюзом. Можно себе представить первичный кооператив, не входящий в союз, и теоретически мыслим союз кооперативов, не примыкающий к Центросоюзу, Сельскохозяйственному и т. д. Здесь каждая отдельная ячейка—первичная потребительская или промысловая организация самопроизвольно образуется, самостоятельно кредитруется, конкурирует и договаривается, несет все последствия и пользуется помощью кооперативного объединения в меру его полезности для ее развития. Она может оказаться несостоятельной, и на центральном союзе это непосредственно не отзовется. Совершенно очевидно, что построение профорганизации диаметрально противоположно: мы имеем здесь единую армию трудящихся, спаянную единой дисциплиной, единой сущностью своих социальных отправления, имеющую единый устав, единый управляющий орган.—центральный комитет, а не центральный союз. Местные комитеты могут быть только его щупальцами и органами на периферии, творящими волю единого союза трудящихся. Единство устава и центрального органа имеет решающее значение. „Нигде ни в законе, ни в уставе не указано, что комитеты лишены прав юридического лица. Ст. 13 и 14 ГК комитеты этих прав не лишает“—говорит т. Блюменау. Первое утверждение излишне, а второе неверно. Излишне потому, что если ни в законе, ни в уставе не сказано, что отделения Госбанка лишены прав юрид. лица, то это потому, что это и так ясно, поскольку они отделения—местные органы, а неверно потому, что именно в 14 ст. ГК устанавливается, что юридическое лицо должно иметь устав, и, очевидно, свой собственный, а не производный из какого-нибудь другого положения. Ошибка В. Блюменау проявляется наглядно в многократно повторяемом им выражении: „Наши профсоюзы объединяются по линии производственно-профессиональной в лице ЦК союзов, губотделов, уотделений—объединение вертикальное“, или еще более определено: „Считается, что губотделы, уотделения, так как они только номинально (?) отделы и отделения, по существу же они объединения, союзы в уездном или губернском масштабе, то за ними также... практика признает право юридического лица“. Грубая ошибка, страшная для профработника.

Союзы не объединяются в губотделы ни вертикально, ни горизонтально; союзы объединяются

¹⁾ См. „Еж. С. Ю.“ № 14—1925 г., стр. 356.

в губпрофсовет и упрофбюро, но это совсем другое дело, — трудящиеся же определенной категории объединены в союз, территориальным делением которого является губотдел, уотделение и т. д., и гибель тому союзу, в котором губотделы, уотделения (почему на этом останавливаться, почему не каждый местком?) только номинально принадлежат к союзу.

Не потому губотделам и т. д. практика предоставляет права юридического лица, что они по существу (?) суть объединения самостоятельных союзов, а потому, что этим крупным делениям единого профсоюза признается возможным делегировать определенный круг полномочий. Для того, чтобы местные органы, как например, отделения банков, акционерных обществ, могли совершать известные акты, имеющие гражданские последствия, и защищать свои права на суде, т. е., иначе говоря, совершать действия, свойственные юридическому лицу, несколько не требуется, чтобы каждое из этих отделений было само по себе юридическим лицом, а достаточно, чтобы руководящий орган того субъекта прав, юридического лица, частью которого оно является, выделил, очертил, делегировал ему определенный круг полномочий, — вот в этом, действительно, есть первоочередная необходимость, и необходимо, чтобы ЦК союзов или ВЦСПС разработал положение, устанавливающее пределы прав и полномочий каждого местного своего органа и в первую голову месткома.

В заключение следует еще упомянуть только об одном весьма важном обстоятельстве: ведь если-

бы юридическим лицом был местком, то какие препятствия могут быть к тому, чтобы он и заключал коллективные договоры с администрацией, тогда стороной в договоре найма был бы местком, как „полномочный и единый представитель объединения граждан, работающих в данном предприятии“, как выражается т. Блюменау. Однако, мы знаем, что это категорически отвергается, и единственным органом, полномочным на заключение коллективного договора, является центральный орган союза, что воочию подтверждает, что его местные органы могут действовать только в пределах отведенного им круга, т. е. никак не являются юридическими лицами.

Итак, дальнейший путь развития деятельности месткомов и их укрепления вовсе не в том, чтобы признать каждый местком отдельным юридическим лицом и тем неизбежно разбить цельность и монолитность союза, а в том, чтобы создать положение об органах единого профессионального союза на местах (фаб.-зав.-мест-кома), который бы отмежевал им определенный круг полномочий, где каждый местком, не теряя своего лица, как ячейка единого целого, был бы автономен и управомочен действовать по своему разумению. Самостоятельность, понимаемая в таком смысле, не лишала бы центральные органы права надзора за действиями месткома и тем давала бы возможность смягчать и регулировать ту материальную ответственность за последствия действий местного своего органа, которая неизбежно лежит на целом союзе.

Григ. Рыздюнский.

Полное товарищество,

его процессуальный представитель и характер материально-правовой ответственности.

В № 42 „Еженед. Сов. Юст.“ опубликовано определение гражд. касс. колл. Верховсуда по делу „Петролес“ с т-вом Шешин и к^о, в котором Верх. Суд поставил себе и, по нашему мнению, едва ли правильно разрешил указанные в заголовке вопросы.

В последних трех пунктах своего определения, в полном согласии со ст. 13 и 298 ГК признав полное т-во юридическим лицом, Верховсуд установил, что в иске к т-ву оно именно, как юридическое лицо, а не отдельные товарищи является ответчиком и что в результате такого иска может быть увеличение или уменьшение имущества только самого т-ва, а никак не частных имуществ отдельных его членов.

Казалось бы, что после таких утверждений разрешение указанной процессуально- и материально-правовой проблемы было и просто и легко. Между тем, в пункте 1 определения мы читаем: „Петролес совершенно правильно с процессуальной точки зрения представил иск к полному т-ву Шешин и к^о,

являющемуся юридическим лицом, как в таковом, перечислив в исковом заявлении состав названного полного т-ва, в лице Ш., Х. и П.“ — Спрашивается, если иск предъявлен действительно к юридическому лицу и только к нему, то зачем это перечисление в исковом заявлении его состава. Ведь, по ст. 14 ГПК, представителями коллективов, а в том числе и т-в, на суде являются „установленные законом или уставом органы“, а для полных т-в законом, ст. 298 ГК, установлены такие органы, как их представители; эти последние по пункту „г“ примечания 1 к ст. 296 ГК должны быть зарегистрированы надлежащим порядком при самом возникновении т-ва. При таком совершенно ясном и четком ответе закона, в исковом заявлении по иску к полному т-ву должна быть указана, согласно пунктов „б“ и „в“ ст. 76 ГПК, только фирма т-ва, ее адрес и то лицо, которое является по акту регистрации т-ва его представителем, при чем во избежание каких-либо недоразумений оно должно быть названо вполне определенно: „представите-

лем т-ва по акту регистрации последнего". Однако, ответом на этот вопрос служит следующее объяснение Верховсуда: „за отсутствием при предъявлении иска сведений, не является ли кто-либо один из них, согласно товарищеского договора, представителем т-ва для выступления в судебных учреждениях“, и далее поясняется, что поэтому-то „судом правильно и были посланы извещения о явке в суд“ всем трем полным товарищам.

Объяснение это едва ли может быть признано соответствующим закону. Что значит: „за отсутствием при предъявлении иска сведений“. Конечно, здесь имеется в виду не простая ошибка истца, который не догадался или не сумел достать этих сведений, так как такая ошибка стороны должна быть замечена судом и своевременно исправлена стороной, но с тем, чтобы лица, все же вызванные по такой ошибке к ответу и понесшие из-за этого расходы, хотя бы на приглашение поверенного, были удовлетворены в них.

Если же отсутствие при предъявлении иска этих сведений было объективным, если, значит, в регистрационном заявлении, вопреки пункту „г“ примечания 1 к ст. 296 ГК, не было указано, кто из товарищей является представителем т-ва, то суд должен был войти в суждение по вопросу о дееспособности такого т-ва. В самом деле, раз по ст. 7 ГК „способность лица своими действиями приобретать гражданские права и создавать для себя гражданские обязанности“ именуется дееспособностью, а по ст. 298 ГК дееспособность полного т-ва, как юридического лица, проявляется только через его представителей, то отсутствие в регистрации т-ва указания на представителей его влечет за собой недееспособность такого полного т-ва, неспособность его „приобретать в пределах закона всякие права по имуществу, принимать на себя обязательства, искать и отвечать на суде“.

Здесь мы находим непредусмотренный в ст.ст. 7—9 ГК случай недееспособности юридического лица. Став перед ним, суд был обязан по пункту „б“ ст. 113 ГК приостановить производство дела, в виду установленного им ограничения ответчика искать и отвечать на суде, то-есть, другими словами, в виду недееспособности ответчика.

Ст. 13 ГК предусматривает случаи недееспособности лиц и предписывает при этом предъявлять иски „к законным представителям“ недееспособных, на которых указывает и пункт „б“ и „в“ ст. 15 ГК. Ссылка последнего пункта на ст. 223 Код. зак. об актах гр. сост. приводит нас к тому выводу, который, по аналогии, суд должен был найти и в разбираемом случае недееспособности т-ва. Он должен был возбудить вопрос о назначении опеки к недееспособному юридическому лицу с тем, чтобы оно, за отсутствием договорного, получило законного представителя, который бы мог, по силе ст.ст. 223, 230 и 232 Код. зак. об актах гражд. состояния, осуществить правоспособность его.

В постановлении СНК РСФСР от 2/XII—20 г. („С. У.“ № 93—20 г., ст. 506), изменившем IV раздел Код. зак. об актах гр. состояния, среди различных оснований к учреждению опеки мы находим под пунктом „б“ ст. 3 „лиц, обнаруживших такие свойства, которые делают... невозможным оставление без общественного попечения“, при чем полномо-

чия по опеке их предоставлены, как в отношении расточителей, уездным отделам управления. Несомненно, что с точки зрения общественной невозможности оставить без попечения недееспособное юридическое лицо, так как, представляя из себя сложный и подчас значительный комплекс прав и обязанностей (последних и перед государством и перед рабочими) такое юридическое лицо, хотя бы частного-правового характера, по своей природе все же сосредоточивает на себе целый ряд особенно охраняемых Рабоче-Крестьянским Правительством интересов. Оставление его без надзора и попечения неизбежно повлечет или какие-то скрытые комбинации организаторов, бросивших его, или расхищение и потери для его кредиторов, указанные выше и особо защищаемые законом. При этом объединение опеки таких лиц в том же органе, который ведает и опекой над расточителями, является особенно удачным в виду близости положения расточителя к положению такого недееспособного юридического лица.

Назначенный по сообщению суда уездным отделом управления опекун, по ст. 188 Код. зак. об актах гр. состояния, вступит в охрану интересов подопечного и явится его законным представителем, как в деловых отношениях с кредиторами и должниками, так и на суде.

Вот, как нам кажется, единственно законный выход из положения, в которое попадает и суд и кредиторы т-ва при объективном отсутствии зарегистрированных надлежащим порядком представителей т-ва.

Характерно при этом, что даже все до одного полных товарища, по смыслу наших законов, не могут заменить собою представителя полного т-ва. Ответ по иску т-ва—несомненно „ведение дел т-ва“, и только в простом т-ве такое ведение „производится, по ст. 281 ГК, с общего согласия всех товарищей“. Если бы даже допустить практически мало вероятную возможность полного согласия заявлений на суде товарищей, вызванных и явившихся в полном составе, то и тогда эти единогласные заявления не создали бы ответа т-ва, так как при определении порядка ведения дел полного т-ва законодатель вполне сознательно исключил ст. 281 из перечня статьи 299 ГК и создал особую для полных т-в статью 296 с первым примечанием к ней. Таким образом, явившись в заседание суда, полные товарищи представили только самих себя, т-во же, как особое юридическое лицо, к которому только и был предъявлен, по утверждению Верховсуда, иск, так и осталось непредставленным на суде. Поэтому процессуально совершенно неправильно поступил в иске только против т-ва и истец и суд, первый, рядом с фирмой ответчика указав и всех полных товарищей, составляющих ее, второй, послав всем им извещения о явке в суд.

Однако, пункты 2 и 3-й интересующего нас определения Верховсуда не вызывают сомнения в том, что в данном случае под вопросом стояла не только процессуальная, а и материально-правовая проблема, не только вопрос о том, как должно отвечать на суде т-во, а и вопрос о том, не могут ли рядом и одновременно с ним отвечать и все товарищи.

В самом деле, что иное означают утверждения Верховсуда:

„2) что в случае удовлетворения исковых требований иск подлежал бы присуждению с т-ва, как такового, в лице всех наличных... товарищей с солидарной их ответственностью“ и

„3) ...Губсуд... правильно присудил отсуживаемую истцом сумму с полного т-ва Шешин и к^о в лице наличных товарищей Ш. и Х. с солидарной их ответственностью“.

И здесь невольно возникает вопрос, что значит присудить „с т-ва, как такового, в лице всех наличных... товарищей“? Совершенно очевидно, что фактически иск присужден не с т-ва, как юридического лица, или не только с него, а и со всех членов т-ва. Лучшим доказательством сего служит пояснение: „с солидарной их ответственностью“, так как если бы, как указывается далее в определении, в результате такого иска могло бы быть увеличение или уменьшение имущества действительно только самого т-ва, а никак не частных имуществ отдельных его членов, то ни о какой солидарной ответственности должников не могло бы быть и речи: был бы только один должник, т-во, как юридическое лицо. Итак, ясно, что тот самый иск, который был, по утверждению самого определения, обращен против т-ва, как юридического лица, а не против составляющих последнее физических лиц, был разрешен не только против т-ва, но и против этих последних.

В каких же случаях допускает наш закон такую замену должника т-ва?

Ст. 305 ГК определенно говорит: „Кредиторы т-ва могут обратить взыскание на имущество, принадлежащее отдельным товарищам, лишь при установленной фактически или по суду несостоятельности т-ва или по ликвидации дел т-ва“. Таким образом, истец и суд были вправе не ограничиваться иском против т-ва, а один—предъявить, а другой—присудить иск со всех товарищей, но только после установления несостоятельности самого т-ва.

Это положение нашего закона прямо вытекает из ст.ст. 13 и 298 ГК, с одной стороны, и из ст. 295 ГК—с другой. Раз т-во действительно особое от товарищей юридическое лицо, с особой не только имущественной сферой, но и с особым комплексом прав и обязанностей, не сливающихся с таковыми же, принадлежащими отдельным товарищам, то и при наличии ст. 295 ГК, являющейся только законным титулом переноса ответственности с т-ва на них, необходим определенный юридический факт, событие, порождающее в силу закона такой перенос и устанавливающее момент его. Этот именно юридический факт и указан в ст. 305 ГК; им является несостоятельность т-ва, с момента возникновения которой, и только с него, обязательства т-ва делаются обязательствами и всех товарищей.

Однако, в рассматриваемом определении мы не находим никаких указаний на несостоятельность т-ва „Шешин и к^о“, а отсюда уже прямо следует, что не это обстоятельство повело к присуждению иска со всех товарищей, так как замена должника должна быть в определении обоснована

и притом определенным в самом законе обстоятельством.

Сравнение пунктов 1 определения Верховсуда со 2-м и 3-м дают полное основание заключить, что, недостаточно оценив значение т-ва, как юридического лица, сначала процессуально, и допустив поэтому по иску к т-ву вызов и явку в суд и объяснения на нем ненадлежащего ответчика, товарищей, он затем также не оценил значения полного т-ва, как юридического лица, и в материально-правовом отношении, почему без достаточных, определенных в самом законе оснований присудил иск с этого ненадлежащего ответчика.

Рассматривая это решение, невольно вспоминаешь ту путаницу юридических понятий, которую создавал в вопросе о полных т-вах дореволюционный закон. Не вполне признавая за этими товариществами значение юридического лица, он создавал двух одновременных ответчиков, и только наука, а за ней практика, пытались установить ту же последовательность ответственности, которая ныне так четко выявлена ст. 305 ГК.

Однако, пользуясь неясностью закона, истцы под влиянием запрещения какой-либо замены ответчика в процессе создали и часто с успехом проводили как раз эту формулу обозначения ответчика: „полное т-во в лице таких-то товарищей“. Очень часто уже в середине процесса и даже при исполнении решения им удавалось по этой туманной формуле незаметно соскользнуть с т-ва на полных товарищей и тем избежать и затяжки дела новым процессом и излишних для истца расходов по оплате второго иска к товарищам. Между тем, даже всемерно ограждая интересы истца, теперь при действии ст. 166 ГПК нет абсолютно никакой нужды в каких-либо ухищрениях, так как иск, первоначально обращенный против полного т-ва, при состоятельности последнего будет благополучно доведен против него же и полностью удовлетворен им же; иск же против т-ва, при производстве коего обнаружится хотя бы только фактическая несостоятельность самого т-ва, по ст. 166 ГПК, по просьбе истца и по представлении им доказательств несостоятельности, может быть пополнен на стороне ответчика-товарищами и, таким образом, никакой затяжки и излишних расходов не произойдет.

Конечно, если уже и при предъявлении иска несостоятельность т-ва будет очевидна, то по ст. 163 ГПК он с самого начала обращается и против т-ва и против товарищей, но в таком случае, во-первых, следует с самого начала опять-таки установить несостоятельность т-ва, а, во-вторых, четко и категорически указать ответчиками и т-во и товарищей, вызвать в суд и принять объяснения: от имени т-ва—его представителя, а от имени товарищей—всех их персонально или личных их поверенных, и, наконец, присудить иск и с т-ва, и с товарищей, с последних солидарно как между собой, так и с т-вом в целом.

Во всяком случае, при наличии кратких и четких советских законов туманные и скользкие формулы прошлого приводят только к ошибкам, и процессуально и материально-правовым.

А. Степанов.

Подсудность нарсудам и должностные преступления.

Расширение подсудности нарсудам вовсе не коснулось должностных преступлений. П. „в“ ст. 26 УПК, как в прежней редакции, так и в проекте НКЮ, так, наконец, и в ныне действующей редакции содержит в себе перечисление одних и тех же статей У. К., если не считать случайного пропуска 108 ст. в УПК издания 1923 г.

Ни в дискуссии в печати о подсудности нарсудов, ни в прениях на V-м с'езде деятелей советской юстиции, ни в объяснительной записке НКЮ к проекту изменений УПК, нигде об этих преступлениях ничего не говорится. Как будто подсудность губсуду всех должностных преступлений, кроме 1 ч. 113, 114, 114-а и ст. 118 У. К., вещь сама-собой разумеющаяся.

В основе такого взгляда лежали, повидимому, следующие соображения. Изменение редакции 105 ст. У. К., принятое 2-й сессией ВЦИК X созыва, имело в виду изъять из ведения судов все маловажные должностные преступления. Те же деяния, которые после этого изменения остались уголовными преступлениями, настолько важны и сложны, каждое из них может иметь столь существенное значение, касается настолько важных частей государственной машины, что для разрешения дел о них нужны: во-первых, особая квалифицированность судей, а во-вторых, и особый подход в смысле репрессии более свойственный губсуду, чем нарсудам.

Такое рассуждение было совершенно правильно, пока главная масса дел о должностных преступлениях падала на городские советские учреждения со сложными и разнообразными функциями и с широким кругом подведомственных им дел. Должностные преступления, совершившиеся в этих органах, в большинстве случаев представляли серьезные трудности в виде необходимости всякого рода экспертиз, выявления взаимоотношений между различными частями аппарата, объема полномочий данного должностного лица и т. п. Кроме того, они действительно требовали и исключительного подхода в смысле репрессии.

В более же мелких случаях мера дисциплинарного взыскания, хотя бы увольнение от должности, являлись для советских служащих-профессионалов достаточно серьезным способом воздействия.

Но в настоящее время положение в этом отношении сильно изменилось. Поворот лицом к деревне поставил в качестве первоочередной задачи всех органов власти, в том числе и органов юстиции, заботу об укреплении низового советского аппарата. Уже проделанная в этом отношении работа показала, что во многих углах деревни всякого рода должностные преступления свили себе прочное гнездо и что в ближайшее время именно эти углы будут поставлять главную массу дел о таких преступлениях. Вместе с тем существующий порядок ответственности за должностные преступления стал представлять значительные неудобства.

Правильное для города противопоставление:

либо дисциплинарный проступок, либо важное с политической точки зрения и сложное с технической стороны преступление, в условиях деревни оказалось совершенно неприменимым. Возьмем ряд конкретных примеров: лесной об'ездчик, беспощадно составлявший протоколы за каждую срубленную жердь, из приятельских отношений к кулаку-соседу закрывает глаза на сделанную им порубку; пом. фининспектора, вследствие халатного отношения к делу, теряет подаваемые ему крестьянами жалобы на несправедливое обложение; член волисполкома, приехавший для агитации по с.-х. налогу, напивается пьяным и на собранных им сходах разражается угрозами и ругательствами; начальник волмилиции, отправляясь на пирушку, заставляет крестьян везти его на так-называемых очередных подводах и пр. и пр. и пр.

Все дела такого рода должны либо разрешиться в дисциплинарном порядке, либо пойти в губсуд.

Разрешение их в дисциплинарном порядке, т.-е. допущение весьма распространительного толкования 2 ч. 102 ст. УПК, никак нельзя признать допустимым. Если высшая мера дисциплинарного взыскания — увольнение от должности является довольно тяжелой репрессией для служащего-профессионала, то для занимающего советскую должность крестьянина, особенно из кулачества, для которого служба временное и случайное явление, мера эта почти не имеет значения. А в глазах крестьянских масс, которые терпели на себе выходы такого „работника“, простое увольнение его от должности, а тем более выговоры, представляются просто-напросто безнаказанностью. Значит дела, вроде вышеуказанных, надо направлять в губсуд, что со всех точек зрения нецелесообразно.

Прежде всего, если все такие дела в массе безусловно имеют громадное политическое значение, то каждое из них в отдельности, особенно по масштабу губсуда, может показаться маловажным. Да они и в самом деле не содержат в себе тех признаков исключительности, которые, по установленному V с'ездом принципу, должны характеризовать дела губсудской подсудности. В условиях нашей деревни такие дела имеют определенно бытовой характер. Никакой особой сложности дела эти также не представляют, и никак нельзя допустить, чтобы народный судья и заседатели крестьяне не сумели в них разобраться. Равным образом, трудно доказать, что разбор этих дел губсудом через промежуток, по крайней мере, в 4—6 мес. и в лучшем случае в уездном центре, за несколько десятков верст от места событий, может иметь большее воспитательное значение, чем рассмотрение их нарсудом на самом месте происшествия и самое большее через месяц, два по возникновении дела.

Кроме того, стремление к усилению политической активности крестьянства, как принято говорить, к его „советизации“, настоятельно требует, чтобы приспособление советского аппарата к нуждам крестьянства, искоренение всякого рода

злоупотреблений и произвола делалось, так сказать, на глазах у широких крестьянских масс и при их непосредственном участии. А разбор дел, вроде вышеуказанных, губсудом с его заседателями из ответственных работников никак не может способствовать достижению этой цели.

Попробуем теперь разобрать возражения, которые могут представиться против передачи подобных дел нарсудам.

Прежде всего, могут сказать: совершенно правильно, разрешение таких дел нарсудами весьма желательно, но те же статьи У. К. охватывают и такие дела, которые никак нельзя передавать в нарсуды. Возражение это весьма веское, но оно доказывает лишь то, что нельзя передавать в нарсуды весь круг дел, охватываемых ныне 1 ч. 105—109, 116 и 117 ст.ст. У. К. Но это еще далеко не доказывает, что не нужно из этого круга дел выделить те дела, которые можно и должно передать нарсудам. Как это сделать—вопрос другой и далеко не легкий, но трудность задачи никоим образом не значит, что от разрешения этой задачи нужно вообще отказаться.

Далее возможно возражение такого рода: нарсудья—человек местный. С местными деятелями, которые по таким делам будут фигурировать в качестве подсудимых, у него могут быть связи и знакомства, которые помешают ему вынести правильный приговор. Но если нарсудья при вынесении приговоров будут руководствоваться связями и знакомствами, то и в пределах существующей подсудности они могут наделать непоправимых бед. Те же местные деятели уже проходят перед нарсудом в качестве подсудимых по 1 ч. 113 и 114 ст. У. К. и никакого зла отсюда не происходит. Брать под подозрение народный суд нет никаких оснований. Санкции статей У. К. о должностных преступлениях ничем не отличаются от санкции множества статей, уже подсудных нарсуду, и с этой стороны возражений быть не может (само-собою разумеется, что о передаче нарсуду таких дел, как предусмотренных 110, 111 и даже 112 ст.ст. У. К., не может быть и речи).

Наконец, возражение о возможной загрузке нарсудов вовсе неосновательно. Если этих дел будет такое множество, что они смогут загрузить 30—40 участков нарсуда, имеющих в губернии, то можно себе представить, что получится от сосредоточения всех этих дел в губсуде. Но опасаться такого потока дел нет оснований.

Таким образом, вряд ли можно найти веское возражение против того, что из круга дел, охватываемых 1 ч. 105—109, 116 и 117 ст.ст. У. К., необходимо каким-то способом выделить определенную категорию дел и передать ее в ведение нарсудов. Допущение этого положения ставит на очередь вопрос о том, каким способом произвести такое выделение.

Таких способов мыслимо два.

Прежде всего, можно уточнить указанные статьи У. К., примерно, так же, как это было сделано со 140 статей. Например, 105 ст. У. К. можно разбить вместо двух на три части, из которых одна останется подсудной губсуду, другая окажется подсудной нарсуду и, наконец, третья—подлежащей разрешению в дисциплинарном порядке. Особенности должностных преступлений дают основа-

ния для такого разделения с различием не только по подсудности, но и по наказуемости.

Например, далеко не одно и то же бездействие власти, проявленное лесником, не составившим протокола на порубку, произведенную его кумом, и бездействие власти какого-нибудь б. царского чиновника, сумевшего плотно пристроиться, положим, в губкомхозе и непринимавшего мер к пресечению слишком смелых „коммерческих“ операций какого-либо напмана-подрядчика. Теперь оба эти случая одинаково подойдут под понятие „бездействия власти из корыстных или иных личных видов“, хотя разница между ними неоспорима и, конечно, найдет себе отражение в мере наказания.

Но нет сомнения, что найти формулировку, которая правильно уловила бы эту разницу, очень и очень затруднительно.

Второй возможный способ, который придется применить, если изменение редакции статей Уголовного Кодекса о должностных преступлениях будет признано нежелательным, сводится к тому, чтобы, не отграничивая в самом законе раз навсегда категорий должностных преступлений, подсудных нарсуду, дать возможность делать это в каждом отдельном случае, в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Для этого достаточно дополнить 26 ст. УПК вторым примечанием, приблизительно следующего содержания: „Дела о преступлениях, предусмотренных 1 ч. 105—109, 116 и 117 ст.ст. У. К., в зависимости от степени их важности и сложности, могут быть направляемы прокуратурой на рассмотрение подлежащего народного суда“.

Предоставление таких прав прокуратуре ничего принципиально недопустимого в себе не содержит, т. к. размеры ответственности обвиняемого от изменения подсудности дела ни в какой степени не меняются. Уже в настоящее время во многих случаях именно от прокуратуры зависит пойдет ли то или иное дело в уголовном или в дисциплинарном порядке, а разница эта гораздо более существенна, чем разница между слушанием дела в нарсуде или губсуде по одной и той же статье У. К.

Если предоставить это право выбора подсудности не прокуратуре, а губсуду, то не будет достигнута одна из главных целей передачи дел о должностных преступлениях в ведение нарсудов — быстрота разрешения дела, т. к. путешествие дела в губсуд, рассмотрение его в распорядительном заседании и направление из губернского центра в нарсуд займет по меньшей мере месяц, а то и два.

Но так или иначе, а вопрос о передаче в ведение нарсудов целого ряда дел о должностных преступлениях вполне назрел.

Необходимость быстрых и энергичных мер по укреплению низового советского аппарата, несомненная желательность привлечения к искоренению злоупотреблений и произвола широких крестьянских масс, стремление к дальнейшему поднятию авторитета нарсуда и к разгрузке губсуда от судебной работы—все в одинаковой степени указывает на необходимость изменений в подсудности дел о должностных преступлениях.

С. Голунский.

Необходимые мероприятия.

(К проведению в жизнь 105 ст. УПК в новой ред.)

105 ст. УПК в редакции ее, утвержденной 2 сессией ВЦИК XI созыва, как известно, внесла существенные изменения во взаимоотношения органов дознания и следствия, передав на следам часть прокурорских функций по надзору за производством дознаний.

Упомянутые изменения последовали не случайно. Инициатором их был V Съезд деятелей советской юстиции.

Ряд принципиальных и практических соображений легли в основание означенных изменений. Необходимо было, например, покончить с отрывом друг от друга органов следствия и дознания, коренившимся в принципиально неправильном взгляде на какую-то якобы совершенно отличную природу каждого из этих органов. Нужно было обеспечить единство следственно-розыскных органов, имея в виду, что неувязка их в практическом отношении вредила расследованию преступлений, порождая медленность, загромождение его повторными допросами одних и тех же лиц, и тем самым излишние тяготы для граждан. Нельзя было пройти мимо бесспорного факта относительно большей близости к органам дознания следователей уже в силу сравнительно большей численности их. Указанные, лишь на выдержку взятые, соображения доказывают и все значение скорейшего проведения в жизнь 105 ст. УПК новой редакции.

Кое-где, однако, стал намечаться механический подход к проведению новой меры. Ростерком пера полагали возможным, безотносительно к конкретным условиям данного места, переложить на следователей функции прокурорского надзора за производством дознаний. Следователям, независимо от степени нагрузки их, по чисто формального свойства соображениям, стали направляться и те дознания, которые находились в производстве прокуратуры и не были ею закончены. У некоторых работников сложилось неправильное представление о перспективах дальнейшей работы прокуратуры в области дознания; полагали, что с проведением в жизнь 105 ст. УПК новой редакции как бы отпадает всякая ответственность прокуратуры за состояние органов дознания.

Все это вместе взятое и послужило основанием к преподанию НКЮ особых директив.

Неуместность механического подхода к проведению в жизнь такого как никак весьма крупного шага очевидна. Различие состояния отдельных следственных участков диктует необходимость и различного подхода в том или ином случае.

Немедленное переложение на следователей обязанностей по надзору за производством дознаний целесообразно и, по упомянутым выше соображениям, необходимо во всех тех случаях, когда это позволяет состояние следственных участков, когда персональный их состав и нагрузка таковы, что дают следователям возможность сразу же справиться с новой задачей.

Но и в этих случаях перед прокуратурой стоит задача по оказанию содействия установлению с первых же шагов вполне нормальных взаимо-

отношений наблюдающего следователя с соответствующими руководителями органов дознания. Именно первые шаги заслуживают с этой точки зрения особо пристального внимания. Распространяться о значении нормальных деловых взаимоотношений не приходится; всем известно, как всевозможные шероховатости личных взаимоотношений парализуют очень часто всякое плодотворное начинание. Это во-первых. Во-вторых, на прокуратуре, в связи с проведением в жизнь 105 ст. УПК новой редакции, лежит не менее важная обязанность по передаче следователям того значительного опыта по надзору за дознанием, который успел накопиться в течение более двух лет работы. Необходимо, между прочим, с самого начала предупредить и отрицательные моменты, которые ревизии нередко отмечали в области надзора за дознанием, как например, невыполнение 223 ст. УПК и медленность в направлении поступающих дознаний; прекращение ряда дознаний, несмотря на непринятие всех возможных мер к раскрытию преступлений, несообщение потерпевшему о прекращении дела и подозреваемому об освобождении его от взятой с него подписки о неотлучке из постоянного местожительства, несоответствие постановлений о предании суду требованиям 224 ст. УПК, недостаточно решительная борьба с незаконными задержаниями (за бесписьменность, проституцию, до выяснения личности и т. п.)

В отношении другой категории следственных участков проведение 105 ст. УПК новой редакции предполагает предварительную специальную разгрузку этих участков. Известно, что по разгрузке следопарата за 1924 г. проделана огромная работа и что, тем не менее, еще имеется значительное число таких следственных участков, которые благополучными по нагрузке никоим образом считаться не могут. Так, например, по 15 округам Северного Кавказа в среднем на следователя к 1-му января 1925 г. приходилось не менее 70 дел; средний остаток дел на 1-е января 1925 г. у следователя Воронежской губ.—60, в Вятской губ.—100, Приморской—115. По отдельным следственным участкам (рядом с вполне разгрузившимися) остатки дел поднимаются до 200—300 и даже более. Ясно, что груз подобных остатков слишком велик для того, чтобы при наличии его следователи могли в сколько-нибудь удовлетворительной степени справиться еще с новыми обязанностями. Отсюда становится наглядным огромное значение указанной задачи по максимальной жесткой разгрузке соответствующих следственных участков. Для проведения ее необходимо использовать все возможные методы и приемы, нужно двинуть в ход всю совокупность различных мыслимых мероприятий (командирование ст. следователей в неблагополучные участки, детальный просмотр дел, передача части дел в др. участки, расширение сети следственных участков и т. д.). Разгрузке значительное содействие окажет невозбуждение и прекращение возбужденных дел по признаку целесообразности. Как известно,

II-я сессия ВЦИК XI созыва признала необходимым поставить вопрос о возможности прекращения до судебного разбирательства незначительных уголовных правонарушений по мотивам целесообразности. Соответственно этому и были разработаны ИКЮ проекты ст. 4а и 203а, ныне утвержденные ВЦИК'ом, о прекращении дел, если из существа их не будет усмотрено наличие социально-опасного элемента.

Что в производстве не только следователей, но и судов не мало таких дел, про которые можно с полным основанием сказать, что они „не стоят ломаного гроша“, констатирует, между прочим, и последний, чрезвычайно содержательный, доклад председателя уголовно-кассацион. коллегии Верхов. суда т. Челышева („Е. С. Ю.“—1925 г. № 7).

Чего, в самом деле, например, стоят упоминаемые в докладе случаи, когда потерпевшая от изнасилования еще в период предварительного следствия сходит с обвиняемым и удостоверяет факт совместной жизни с ним, дело же, тем не менее, следствием продолжается, а суды даже выносят по таким делам обвинительные приговоры, несмотря на то, что „факт совместного сожительства после изнасилования делает дальнейшее ведение дела нецелесообразным вследствие сомнительности социальной опасности этого действия“.

Все то, что в докладе говорится по поводу 180-а, 113 ч. 1 и 2, 86, 2 ч. 97 и др. ст. УК в отношении судов имеет ближайшее отношение к следствию и к вопросу о разгрузке следаппарата.

Равным образом заслуживает особого внимания и следующее указание Верхов. суда, касающееся обвинительного уклона: „Вообще, практика показывает, что в работе судов и следственных органов имеется в высшей степени вредный, абсолютно недопустимый обвинительный уклон, обвинительный подход к делу. Для уяснения всей опасности этого уклона достаточно вспомнить, что последствия этого уклона в первую голову ударяют по беднейшей части населения, которая недостаточно знакома с законами и процессуальными формами, чтобы суметь защищаться собственными силами, и недостаточно богата для того, чтобы достать себе опытного защитника“.

Но обвинительный уклон выражается не только в том, что следствие проходит мимо существенных фактов, идущих в разрез с обвинением, но и в преувеличении тяжести квалификации содеянного, в создании дел по 2 ч. 118 ст. УК, в то время, когда имеются предпосылки лишь для предъявления обвинения по 1 ч. 113 ст. УК и т. п.

Позволительно также весьма сомневаться в целесообразности в большинстве случаев продолжения следствия по делам такого почтенного возраста, как, например, с 22 г., а ведь наличие таких следственных дел кое-где еще сохранилось. Как иллюстрацию, можно привести 1-й участок Свободненского уезда Амурской губ., в котором к концу 1924 г. находилось 2 дела в производстве свыше 5 лет (!!!), 1 дело свыше 4 лет, 5 дел свыше 3 лет, 11 дел свыше 2 лет, а во 2-м участке того же уезда 1 дело свыше 6 лет, 6 дел свыше 3 лет, 5 дел свыше 2 лет, 25 дел свыше 1 года; в Армавирском округе ревизия отмечает 6 дел с 1922 г. и 71 дело с 1923 г. и т. д.

Далее, в производстве следователей находится все еще не малое число таких дел, по которым предварительное следствие не требуется и которые совершенно зря в свое время были направлены следователям.

Что такого рода засорение следаппарата имело место, несмотря на борьбу с ним прокурорского надзора, а в некоторых случаях даже не без толики участия со стороны отдельных помпрокурора,—неоднократно подтверждают ревизии и отчеты.

„Принимая во внимание, что в процессе судебного следствия обнаружен ряд новых (?) обстоятельств, влекущих (?) к обвинению Б. и М., как являющихся инициаторами (?) настоящего процесса в целях личных счетов, определил: привлечь в качестве обвиняемых (?) гр-н Б. и М.“ и с такого рода маловразумительным определением губ. суда дело направляется следователю не в 21, 22, 23, а в конце 24 года.

Нами уже неоднократно указывалось и на „шлифование“ ряда дел, по которым смело можно было бы использовать 109 ст. УПК.

Можно было бы привести и другие иллюстрации того, что в производстве следователей продолжает оставаться не мало всякого ничего не стоящего хлама, над которым жаль тратить чернила и бумагу.

Но и сказанного, на мой взгляд, достаточно для признания:

1) необходимости—вообще, и в связи с проведением 105 ст. УПК новой редакции—в особенности, специальной разгрузки неблагополучных следственных участков, с одной стороны, и

2) возможности такой разгрузки без существенного ущерба для интересов пролетарского правосудия, с другой.

Третью категорию следственных участков составляют те, которые, в качестве предпосылки для успешного проведения 105 ст. УПК новой редакции, требуют персонального усиления стоящих во главе их следователей. Мыслимы случаи, когда такое усиление может быть достигнуто путем некоторой (конечно, планомерной, продуманной и вдумчивой) „перетасовки“ работников суда, следствия и дознания. Нельзя закрывать глаза на то, что некоторые работники следствия по своей квалификации и индивидуальным способностям будут гораздо более полезны в качестве инспекторов угрозыска, и наоборот. Рациональная „расстановка“ людей и работников справедливо признается одной из существенных предпосылок для достижения наибольшего производительного эффекта. Единство следственно-розыскных органов также подкрепляет целесообразность в иных случаях подобных „перетасовок“ или, по крайней мере, целесообразность специального изучения и учета возможности их в той или иной губернии, в том или ином уезде.

Но, само собой разумеется, не в подобных перетасовках в большинстве случаев ключ к удовлетворению настоятельной потребности в усилении персонального состава части следственных участков. В большинстве случаев „перетасовка“ ничего дать не может или дает усиление следаппарата за счет ослабления органов судебных или дознания.

Но кого могут удовлетворить подобные результаты, копирующие пресловутые методы починки „Тришкина кафтана“?

Персональное укрепление следаппарата предполагает прилив свежих и более подготовленных, более соответствующих своему назначению, более авторитетных работников в органы следствия.

То же и в отношении органов дознания. Чем удовлетворительнее будет состав сотрудников дознания, тем менее обременят следаппарат возложенные на него новые обязанности. Было бы, например, большим достижением, если бы так, наконец, повсюду научились вести дознание, чтобы реже встречалась надобность в возвращении их к доследованию, чтобы чаще можно было бы использовать 109 ст. УПК, чтобы каждое дознание, направляемое в порядке 3 п. 105 ст. УПК, сопровождалось удовлетворительно составленным заключительным постановлением и, тем самым, от следователя отпала бы соответствующая работа.

Но кто может дать органам дознания и следствия, взамен неудовлетворительной части их личного состава, более соответствующих своему назначению работников?

Здесь требуется содействие местных руководящих кругов, здесь в отличие от других мероприятий, связанных с проведением в жизнь 105 ст. УПК новой редакции (о которых упоминалось выше, например, инструктирование, разгрузка), одна прокуратура своими силами ничего добиться, понятно, не сможет.

Нужно, однако, суметь заручиться содействием местных руководящих кругов, нужно добиться уделения ими большего внимания в данный момент органам следствия и дознания.

Было бы, конечно, наивно думать, что и при самом активном содействии местных исполкомов можно будет сразу достигнуть коренного улучшения как личного состава, так и вообще условий работы этих органов. Еще в достаточной степени жесткие объективные условия нашего хозяйства и бюджета исключают подобные возможности. Но, что многого можно достигнуть при активном содействии местных руководящих органов в деле

улучшения условий работы органов следствия и дознания,—не подлежит сомнению.

Когда мы имеем такие факты, как совмещение (в одной из губерний нашей восточной окраины) одними и теми же лицами должностей судьи и следователя, а в другой области — сокращение части следователей на 40%, в некоторых других губерниях — сокращение до нуля числа технических сотрудников на следов, затем — временное закрытие камер за неотпуском средств, или отпуск в месяц на камеру на следов 35 коп. на хозяйственные расходы, или выделение на следственную работу таких следователей, о которых через месяц три помпрокурору приходится докладывать, что „положение следствия улучшилось, следователь научился писать“, или колоссальную текучесть в ряде губерний личного состава милиции, чрезвычайно низкую оплату труда волмилиции, отсутствие в ее распоряжении минимальных средств передвижения и т. п., то здесь сказывается влияние не только объективных условий, но, надо сказать прямо, здесь сказывается и недооценка значения следственно-розыскных органов.

В каждой поэтому губернии, области и уезде, может и должен быть продуман план тех конкретных мероприятий (например, расширение сети следственных участков, выделение определенного числа сильных работников и т. д.), проведение которых мыслимо, несмотря на объективные условия.

Необходимость улучшения состояния органов следствия и дознания вытекает не только из необходимости проведения 105 ст. УПК новой редакции: она очевидна и сама по себе. Если бы даже сохранить прежние взаимоотношения органов следствия и дознания, то положение их в ряде мест таково, что в дальнейшем оно терпимо быть не может.

Но, что особенно важно, и что дает основание рассчитывать на активное содействие мест, это то, что вопрос об улучшении следственно-розыскных органов в значительной степени есть часть вопроса об укреплении низового советского аппарата вообще, часть того содержания, которое вкладывается в лозунг: „стать лицом к деревне“.

Н. Лаговнер.

Некоторые неточности УПК.

В настоящее время при НКЮ работают комиссии по пересмотру УК и УПК. Поэтому хотелось бы указать на некоторые, еще сохранившиеся и до сего времени, недочеты УПК, чтобы Комиссия могла бы обратить на них внимание.

Ст. 11 УПК, между прочим, определяет, что уголовное преследование по ст. 169 УК возбуждается не иначе, как по жалобе потерпевшего. Между тем, ст. 169 У. К. имеет 2 части, 1 ч. — потерпевший после изнасилования остался жив и 2 ч. — потерпевший покончил жизнь самоубийством и, если буквально понимать ст. 11 УПК, то по 2 ч. указанной ст. УК возбудить уголовное преследование было бы невозможно, так как не оказа-

лось бы потерпевшего, жалоба которого являлась бы единственно законным для того поводом. Конечно, такой вывод явно абсурдный и, чтобы его невозможно было делать, необходимо уточнить ст. 11 УПК прибавлением в ее тексте к ст. 169 УК указания на 1ю часть.

Ст. 58 УПК также требует уточнения в том смысле, чтобы в числе доказательств были введены и показания потерпевших (ст. 10 УПК). Означенное вытекает из того: 1) что, предоставляя силу доказательств показаниям обвиняемого, являющегося одной стороной в процессе, нет никаких оснований отказывать в том же другой стороне — потерпевшему; 2) что примечание к ст. 284 УПК

дает суду возможность допросить потерпевшего в качестве свидетеля, т.-е. тем самым придать его показаниям силу доказательств.

В практике в целом ряде процессов, оканчивающихся обвинительными приговорами, последние нередко строятся на данных, установленных показаниями потерпевших, согласных с общими обстоятельствами дела.

Отмеченный пробел ст. 58 УПК до известной степени нарушает равноправие сторон в процессе.

Ст. 105 УПК в 1-м ее пункте предоставляет право органам дознания направлять дела на прекращение лишь по 2 основаниям: за отсутствием состава преступления и обнаружением виновного.

Между тем, практика идет во более широкому пути,—органы дознания направляют дела на прекращение и по недостаточности собранных по делу улик, а также за примирением сторон в пределах ст. 10 УПК и др., указанным в ст. 4 того же Кодекса, и никому не приходит в голову считать эту практику целесообразной.

Целесообразность же ее очевидна хотя бы из необходимости всемерно содействовать разгрузке органов дознания, и без того заваленных нужной работой, от бесполезной работы по делам, подлежащим безусловному прекращению (амнистия, примирение, смерть обвиняемого).

Мало того, новое основание к прекращению—целесообразность в пределах ст. 4-я УПК практически диктует необходимость в числе прочих оснований к направлению дел на прекращение ввести для органов дознания и ст. 4-я УПК в отношении незначительных и с общественной точки зрения маловажных преступлений. Возьмем для примера такие случаи: 1) домашняя (семейная) кража, о чем было заявлено под горячую руку и дело о которой после первого пыла обиды заявитель ходатайствует прекратить; 2) самоуправство, закончившееся восстановлением нарушенного и примирением; 3) повреждение частного имущества (196 ст. УК), восстановленного виновным при наличии примирения сторон; 4) присвоение частным лицом чужого имущества при тех же условиях и т. д.

Но перечисленным и им подобным делам нет нужды заставлять органы дознания доводить работу до конца, а, исходя из принципа ст. 4-а УПК, целесообразнее предоставить им право направлять дело на прекращение при наличии перечисленных условий, имея при этом в виду обязательную фильтрацию таких дел прокуратурой в порядке ст. 222-а УПК.

Кроме того, та же часть 105 ст. УПК, предоставляя право органам дознания самостоятельно прекращать преследования по преступлениям главы VIII УК, умалчивает о преступлениях по ст. ст. 140-г и 1—176, переданных на разрешение административных органов власти.

Это умалчивание истолковывается в том смысле, что прекращение указанных дел входит в компетенцию не органов дознания, а следователей или прокуроров, если последние еще ведут работу по дознаниям. Такое истолкование, правильное с формальной стороны, едва ли, однако, жизненно. Ведь если законодатель счел возможнымверить административным органам разрушение указанных дел по существу, признав их для того достаточно компетентными, то отказ в праве прекращения таких же дел, при наличии законных к тому оснований, является логическим противоречием первому и едва ли может быть объяснен недостаточной их компетентностью. Наконец, просмотр прокуратурой дел, прекращенных административными органами, являлся бы достаточной гарантией за правильность прекращения, как это имеет место в отношении преступлений гл. VIII—УК. Предоставление права административным органам прекращать преследование по ст. ст. 140-г и 1—176 УК, освободив следователей и прокуроров от столь уже серьезной работы, содействовало бы цельности системы и поднятию авторитета административных органов.

Таким образом, представляется целесообразным и практически желательным п. 1 ст. 105 УПК расширить, во-первых, указанием, что органы дознания направляют материал на прекращение по основаниям, изложенным в ст. ст. 4, 4-а и 202 УПК и, во-вторых, что самостоятельно они имеют право прекращать дела по преступлениям гл. VIII—УК и ст. ст. 140 г и 1—176 УК.

П. Л.

Принудительные работы.

Производя ревизию прокуратур на Северном Кавказе, в частности, обследуя места заключения и работу бюро принудительных работ с точки зрения наблюдения за таковыми прокурорского надзора, мы установили, что дело постановки исполнения приговоров в отношении лиц, присужденных к принудительным работам, поставлено крайне неудовлетворительно; более того, на местах встречаются затруднения в понимании существую-

щих по этому вопросу законоположений. Это обстоятельство нас побуждает остановиться на этом вопросе на страницах нашей ведомственной печати. Прежде всего, мы считаем необходимым указать фактически существующее положение на местах, а затем уже, опираясь на эти данные, перейти к выводам.

Использование труда лиц, осужденных к принудительным работам, по некоторым округам Се-

веро-Кавказского края выражается в следующих цифрах:

За какой м-ц и год.	Из каного округа.	Занято на работах в ис- правдоме.	Откомандиро- вано в другие места.	Уклоняется от работы.	Свободной ра- бочей силы.
1924 г.					
Октябрь . . .	Донской . . .	132	166	174	55
Январь— ноябрь . . .	Кубанский . .	—	60	204	19
Ноябрь . . .	Адыгейская область . . .	—	—	—	51
Январь— октябрь . . .	Армавирский .	—	695	2	114
Январь . . .	Ставрополь- ский	—	—	—	275
Ноябрь— декабрь . . .	Терский	20	70	69	—
Январь— декабрь . . .	Карач. - Чер- кесск.	5	—	2	64

По поводу приведенных цифр можно сделать следующие замечания. Как по Армавирскому округу, так и Кубанскому, а также и по Черноморскому—привлечение на работы лиц „откомандированных в другие места“, фактически выразилось в том, что они или целиком, или почти целиком оставались на работах в тех же учреждениях, где раньше служили, или, если это ка-

салось лиц, имеющих свое крестьянское хозяйство, оставались на нем, но в обоих случаях бюро принудительных работ взыскивало 25% в первом случае с получаемого оклада, во втором случае по минимальным ставкам профсоюза. В этом случае бюро принудительных работ получало от каждого присужденного к принудительным работам за месяц работ 3—4 рубля. Таким образом, иначе говоря, лица, присужденные к принудработам, получали возможность своего рода „откупа“ от работ. Применение этой меры по Армавирскому округу за 10 месяцев к 695-ти лицам говорит о широком развитии этого положения. При проведении этого положения не исключалось предоставление права „откупа“ и мелким собственникам.

Второй момент, на который следует обратить внимание по приведенной таблице, это наличие большого количества лиц, указанных в графе „Свободной рабочей силы“. Мы обращаем внимание на цифры по трем округам; по Адыгейской области значится свободной рабочей силы 51 чел., по Ставропольской 275 чел., при чем в этих административных центрах, как видно из той же таблицы, труд лиц, присужденных к принудработам, вообще совершенно не использовался, где, между прочим, принудработы совершенно не организованы. Вопрос о применении циркуляра Верховсуда № 52—1923 г. совершенно не ставился. Что касается Армавирского округа, то значущееся 114 чел. свободной рабочей силы составляют тот контингент лиц, с которых бюро принудработ в виду того, что они в большинстве случаев являются безработными, не смогло взыскать 25%.

Третий момент—это наличие большого числа лиц, уклоняющихся от исполнения принудительных работ. Их по Донскому округу 174, по Кубанскому—204 чел. Надо объяснить это в первую

Впечатления народного заседателя.

Попав 1—8 текущего апреля в качестве народного заседателя в нар. суд 1-го участка 2-го Донского округа Царицынской губ. (ныне Сталинградской), я был поражен массой переписки, которую вызывает, якобы, ст. 334 Уголовно-Процессуального Кодекса. Одно из двух, или статья формулирована совершенно отвлеченно, без внимания к тому материалу, который должен регистрироваться в рамках ее требований, или исполнители этой статьи, народные судьи, неправильно ее применяют, являясь мучениками своего ложного толкования. Во всяком производственном деле не бывает примера, чтобы работник клал два дня на изготовление вещи, которую легко можно сделать в один день. Здесь же, в народном суде продлевается эта работа.

Начать с того, что при открытии заседания, председатель, члены суда и защитник, так сказать, под перекрестным огнем допрашивают истца и ответчика, потерпевшего и обвиняемого и, наконец, свидетелей, а секретарь записывает все существенное из показаний в протокол судебного заседания. Само собою предполагается, что каждое показание тут же, на месте, просматривается судьей, нет ли какого пропуска, допол-

няется, прочитывается допрашиваемому и последним удостоверяется своею подписью. Затем, после допроса всех участвующих в деле лиц, прений сторон, последнего слова ответчика или обвиняемого, суд удаляется на совещание. Здесь судья обменивается мнениями с народными заседателями и обсуждает совместно и те данные, которые приводил член коллегии в пользу своих подзащитных, и те данные, которые выяснены на предварительном следствии. Но дело в том, что как „мнения“, так и „обсуждения“ остаются в тайне: они не заносятся в протокол судебного заседания, а, следовательно, и не могут попадать в определенную часть приговора. В определении должны фигурировать статьи закона и обстоятельство, освещающие преступление. В противном случае губ. суд и сами тяжущие, получив копию приговора, вправе думать, что определение взято с потолка, и, по моему мнению, будут правы. Приговор не должен заключать в себе ничего такого, чего не было на судебном разбирательстве, а все, что было на судебном разбирательстве, занесено в протокол. Народного судью нередко смущает то обстоятельство, что на предварительном следствии обвиняемый сознался

очередь тем, что там имеет место медленность приведения приговоров в исполнение, а как следствие этого—перемена местожительства этими лицами.

Наконец, четвертый момент—это тот, что все же на ряду с этим в некоторых округах значительное количество заключенных используется на работах в учреждениях мест заключения, а также иногда проводится в жизнь вышеупомянутый циркуляр Верховсуда. Проведение принципа оставления исполнения приговоров к принудработникам по месту своей службы, а крестьян на своих хозяйствах местными работниками основывается на нескольких раз'яснениях, данных в конце 1922 и начале 1923 года, как обл. отделом управления, так и управлением местами заключения Кубано-Черноморской области. Между прочим, циркуляром обл. отд. управления от 20 ноября 1922 г. раз'яснено, что процентное отчисление удерживается только с принудработников—крестьян, откомандированных на полевые работы по местожительству и работающих в своих домашних хозяйствах ежемесячно в размере 25% за работника, исчисляя таковой по 5-му разряду ставок Союза Всеработземлеса по 15 руб. в золотом исчислении.

Очевидно, что получившая широкое применение практика оставления на тех же работах лиц, присужденных к принудработам, является неправильной, так как таковая противоречит раз'яснению пленума Верховсуда от 9-го июня 1924 г., помещенному в „Еженедельнике Сов. Юстиции“ № 26, где указано, что согласно точного смысла п. „а“ ст. 35 УК, осужденные к принудработам без содержания под стражей должны обязательно переводиться для отбывания наказания в другие учреждения или предприятия, или в другую местность.

Затем, на местах возникает вопрос о пределах

возможного применения циркуляра Верховсуда за № 52—1923 г. о замене принудработ другим видом наказания и в какой степени, особенно потому, что этот вопрос с изданием Исправительно-Трудового Кодекса, где возможность замены в случае неорганизации принудительных работ как при вынесении приговора, так и в процессе его исполнения—не предусмотрена, а наоборот, в ст. 28 ИТК определенно сказано, что в случае невозможности применения труда приговоренных к принудительным работам в предприятиях своего ведомства, бюро или отделения их направляют на работу в другие учреждения и предприятия по согласованию с Народным Комиссариатом Труда и его местными органами.

Резюмируя все вышесказанное, мы считаем, 1) что вопрос о принудительных работах, хотя и сдвинулся по сравнению с недавним прошлым, т.-е. с того времени, как силы принудработников были направлены, главным образом, для работ в учреждениях мест заключения, но все же он до сих пор в значительной мере остается неурегулированным;

2) что главными неправильностями, допускаемыми при проведении в жизнь исполнения приговоров о принудработках, являются: а) медленность проведения в жизнь приговоров, б) непринятие достаточных мер к розыску осужденных лиц, в) неправильное использование их труда, г) оставление совершенно без исполнения ряда приговоров;

3) что прокуратура на местах до сего времени этому вопросу не уделила достаточного внимания;

4) наконец, что требуется увязать циркуляр Верховсуда № 52—1923 г. с позднее изданным Исправительно-Трудовым Кодексом.

Мих. Кожевников.

в своем преступлении, а на судебном заседании категорически отрицает свою виновность. Такое смущение напрасно. Предварительное следствие и судебное разбирательство две различных вещи. Первое производится в административном порядке, единолично, без свидетелей; судебное разбирательство происходит всенародно и открыто, с соблюдением установленных в законе форм. Если бы даже НКЮ и сделал распоряжение о необходимости принимать к рассмотрению материал предварительного следствия, то народные заседатели должны реагировать на это требование всеми законными для них средствами и, в первую голову, не подписывать судебного приговора, не основанного на материале открытого судебного заседания. Ведь народные заседатели призываются в состав суда не для мебели, а, очевидно, для защиты слабого и облегчения участи виновного, поскольку тот и другой пролетарского происхождения.

И вот, когда настает момент составления судебного приговора, тут начинается настоящая Сизифова работа для судебных работников, всех участвующих в деле лиц и даже самой публики. Прежде, чем составить резолютивную часть, судья пишет описательную часть приговора. В описательной части, с небольшой перефразировкой, судья повторяет буквально слово

в слово содержание протокола судебного заседания. Таким образом, получается следующая картина: суд начинается в 9 часов утра и до часа дня разбирает 3—8 дел; затем идет на совещание и, вместо того, чтобы кратко изложить резолютивную часть и, самое многое через полчаса, объявить приговор, судья пишет описательную часть по всем разобранным делам, употребляя на это ровно столько же времени, сколько продолжался суд, т.-е. 4 часа. Уходя на совещание, суд не предупреждает публику, что делается перерыв на 4 часа, а потому она битых 4 часа толчется в зале суда без всякой пользы для кого бы то ни было. С 5—6 ч. вечера того же дня начинается второй период разбора дел, и работа производится в том же порядке, т.-е. до 8 часов разбор, а до 12 часов ночи изложение описательной части приговора. От усталости, от непрерывной и напряженной работы в течение всего дня народный судья нередко забывает вовремя принять некоторые меры предосторожности, т.-е. пригласить милиционера для сопровождения одного из обвиняемых в место заключения. Последствием бывает то, что, за невозможностью достать в глубокую ночь конвоира, объявление приговора откладывается до следующего утра. Скажите на милость, кому нужна эта писанина! Быть может статье 334 Уголовно-Процессуального Кодекса?

Обзор советского законодательства за время с 26 апреля по 2 мая 1925 года.

А. Постановления правительства Союза ССР.

1. Состоявшееся национальное размежевание в Средней Азии и образование двух новых союзных республик, вошедших в состав Союза ССР, потребовало пересмотра и соответствующего изменения состава центральных общесоюзных органов, построенных на началах представительства не только центральных ведомств, но и союзных республик. Так постановление СТО от 16-го марта о представительстве в центральном фрахтовом совещании Туркменской и Узбекской ССР («Изв. ЦИК СССР» от 28-го апреля, № 95) устанавливает, что представитель интересов земледелия в названном совещании, действующем на основании постановления СТО от 7 января 1925 г. („Собр. Зак. СССР“ 1925 г., № 2, ст. 30), должен назначаться по соглашению наркомземов всех союзных республик, ныне образующих Союз ССР.

2. Перечень предприятий общесоюзного значения, установленный постановлением III сессии ЦИК Союза I созыва от 12 ноября 1923 г. („Собр. Узак.“ 1923 г., № 113, ст. 1049) не является постоянным. По мере развития хозяйства происходит изменение роли и значения как входящих в него, так и невключенных в перечень хозяйственных предприятий. Постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 24-го апреля об изменении списка государственных предприятий, имеющих общесоюзное значение, и об изъятии для передачи вновь организуемому Северному химическому тресту некоторых предприятий из ведения органов РСФСР («Изв. ЦИК СССР» от 1-го мая, № 98) издано на основании лит. „з“ ст. 1 Конституции Союза ССР, относящей к ведению Союза „определение отраслей

промышленности и отдельных промышленных предприятий, имеющих общесоюзное значение“.

3. Особые культурные, бытовые и экономические условия Дальне-Восточной области нашли свое отражение в налоговой политике в отношении этой окраины нашего Союза. Хотя постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 18 февраля 1924 г. о порядке применения декретов и постановлений центральной власти в пределах Дальневосточной области („Собр. Узак.“ РСФСР 1924 г., № 19, ст. 191) и устанавливает введение полностью законоположений, касающихся общегосударственных налогов и сборов, с отчислениями и надбавками в пользу местных средств, а также местных налогов РСФСР, по местным особенностям не могли не потребовать внесения поправок в это общее положение. Поправки эти сведены вместе в постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 24 апреля об изъятиях из общей системы налогового обложения для Дальневосточной области («Изв. ЦИК СССР» от 30 апреля, № 97). В области прямого обложения изъятия касаются Приморской губернии, отдельные категории населения которой могут освобождаться Дальревкомом от единого сельско-хозяйственного налога, и, главным образом, Камчатки, кочевое население которой освобождено от всех прямых налогов, а все население — от сбора за право охоты (поощрение пушного промысла), а также ренты за земли городские и предоставленные транспорту; отдельные же категории населения от единовременного налога на нужды населения, пострадавшего от неурожая. Слабое развитие путей сообщения, разбросанность населенных пунктов этой губернии и малая доходность населения потребовали замены полугодовых окладных периодов по подоходно-поимущественному и промысловому налогу периодами годовыми. Для

Но ведь статьи Кодекса пишутся не для того, чтобы затруднять работу, а для того, чтобы внести известную плановость, известный порядок в работу. За исключением доводов народных заседателей и защитников, в протоколе все имеется; но как защитники, так и народные заседатели строят свои выводы, свои заключения на данных судебного разбирательства. Стоит только резолютивную часть приговора сформировать кратко и отпадает бесполезная работа снова повторять в приговоре содержание протокола. То время, которое теперь тратится на описательную часть приговора, а его, нужно сказать, немало, целых 8 часов, будет использовано на скорейший пропуск других очередных дел и освободит публику от бесполезного мотанья по зданию суда.

Какую же форму должен принять судебный приговор после всего сказанного? Он должен состоять из 3-х частей: вступительной части, судебного разбирательства и определения. В первой части указывается время, место и состав суда, личность обвиняемого и род преступления; во второй — опрос всех участвующих в деле лиц, в третьей части — определение суда. Таким образом, ныне существующие две части, как самостоятельные единицы, — протокол и вся описательная часть приговора, повторяющие почти дословно друг друга, сольются в одно целое, лишь

формально разделенное на 3 части. При этом первые две части будут заполняться содержанием самого судебного процесса секретарем, а краткая резолютивная часть, т. е. определение, в совещательной комнате. Трудно предположить, чтобы вся масса дел, которая проходит через руки народного суда, была кассирована, а, следовательно, для судьи наперед являлась бы надобность писать широчайшую описательную часть и мотивированное заключение. Члены губ. суда не дети, они легко могут понять выводы судьи из тех фактов, которые изложены в протоколе. Даже, если бы судья и ошибся, сделал вывод, не вытекающий из обстоятельств дела, или применил статью, несоответствующую данному преступлению, что при коллегиальном составе суда может случиться весьма редко, то и тогда большой беды не будет. Судья такой же смертный, как и все остальные люди, если последние ошибаются, то может ошибиться и он. Не следует забывать, что пределы власти народного судьи ограничены. Что касается убытков, которые могли бы быть нанесены гражданам неправильным решением суда, то это вопрос, прежде всего, заинтересованных лиц, которые могут во время кассировать судебный приговор; темным людям же и бедноте советская власть предлагает безотказно дарового защитника, который не упустит, конечно,

всей же Дальневосточной области, в которой добыча золота производится старателями и очень развит промысел скупки золота для перепродажи, введено обложение этого промысла с отнесением его к различным разрядам в зависимости от суммы оборота в месяц (дополнение расписания разрядов торговых предприятий, облагаемых промысловым налогом, от 18 января 1923 г. — «Собр. Узак.» № 5, ст. 89). Экономические особенности Дальневосточной области уже привели к законодательному закреплению особой государственной спиртовой и винной в ней монополии (постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 4 августа 1924 г. — «Собр. Узак.» № 68, ст. 674). В налоговой области эта монополия выразилась в установлении особых акцизных ставок на спирт и водочные изделия, отпускаемые на технические, химические, лечебные, ветеринарные и научно-учебные цели, в введении особого патентного сбора за право продажи спирта, хлебного вина, коньяка и водочных изделий свыше 30 градусов и т. д. В отношении местного обложения Камчатская губерния освобождалась от налогов со строений и с имущества, получающих особые выгоды от вновь осуществляемых мероприятий; отчисления в пользу местных средств от разных неналоговых источников (доходов с лесов, сдаваемых в эксплуатацию по концессионным договорам, доходов от эксплуатации рыбных промыслов), а также от промыслового налога поступают полностью в распоряжение Дальревкома, регулирующего их распределение между местами согласно их нуждам.

4. Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 24 апреля об изменении п. 2 постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 3 декабря 1924 г. о разрешении выделки и продажи наливок, настоек, коньяка и ликерных вин крепостью не свыше 30 градусов и об установлении размера акцизного обложения указанных напитков («Изв. ЦИК СССР» от 28 апреля, № 95) разрешает выделку и продажу указанных вин и пр., помимо органов государственной спирто-винокуренной и винодельческой промышленности и их базисных складов, также сельско-хозяйственным кооператив-

ным организациям и акционерным обществам с преобладанием государственного капитала, имеющим виноградно-винодельческие хозяйства в винодельческих районах; базисные же их склады имеют то же право, независимо от места их нахождения. Изготовление вин и пр. разрешается не только из виноградного, но и фруктового спирта.

5. Постановлением СТО от 23 марта утверждена такса сборов поверочных палат за проверку и клеймение мер и весов и медицинских максимальных термометров («Изв. ЦИК СССР» от 1 мая, № 98), изданная на основании п. 9 положения ЦИК и СНК Союза ССР от 6 июня 1924 г. о мерах и весах («Собр. Узак.» РСФСР 1924 г., № 74, ст. 744).

Б. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР.

1. Бюджетное советское право, получившее четкое законодательное оформление с образованием Союза ССР, в процессе своего развития и в соответствии с общими началами советской политики и законодательства, получило завершение в специальном положении о бюджетных правах автономных советских социалистических республик, утвержденного постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 21 апреля («Изв. ЦИК СССР» от 30 апреля, № 97). По общему началу государственные доходы и расходы автономных республик включаются в качестве составных частей в единый государственный бюджет РСФСР. Предварительные проекты расписаний доходов и расходов и финансовых смет составляются соответствующими ведомствами (объединенными и необъединенными) автономных республик, рассматриваются их совнаркомом и ЦИК'ами и представляются в СНК РСФСР, откуда они поступают на предварительное рассмотрение бюджетного совещания при Наркомфине РСФСР с привлечением к участию в его работах представителей автономной республики, заинтересованного ведомства и отдела национальностей ВЦИК. Особо и весьма подробно изложены вопросы о порядке включения бюджетов автономных республик в государственный бюджет РСФСР, о распоряжении кредитами (различаются кредиты объединенных и необъединенных

случая обжаловать приговор, раз он является неправильным. А если так, то ради редких случаев кассации незачем тратит чрезмерной массы труда и бумаги для того только, чтобы этот бесплодный труд лежал потом в пыли судебного архива. Народный суд и без того, насколько я мог заметить, загружен большой работой, главным образом, по вине самих граждан. Дел о личных оскорблениях и ссорах такая уйма и многие из них такие пустяшные по существу, что невольно жалеешь об отсутствии в Уголовном Кодексе статьи, которая карала бы обе стороны за вздорную страсть к сутяжничеству, хотя бы мелким штрафом в пользу инвалидов.

Есть и еще темное явление в судебной практике. Тяжущиеся и свидетели упрекают друг друга, ссорятся, кричат, публика громко разго-

варивает, судья призывает к порядку, просит приказывать, наконец, грозит арестом. Все успокаивается, но на одну-две минуты. Затем снова та же история. В здании ни одного милиционера, а порядок нужен. Говорят, что это не дело милиции, суд сам должен следить за порядком. Где же эти лица, долженствующие водворять тишину и порядок? Их в суде нет. Остается только одно или секретарю, или самому судье выскочить из-за стола и самолично выгонять вон из залы суда всех хулиганствующих. Разумеется, ни один судья не пойдет на это; не станет судья составлять и протокола об аресте, ибо в данный момент его исполнять некому. Остается только одно — запастись терпением и ограничиваться одними окриками.

А. Кузнецов.

ведомств, а также кредиты на потребности, удовлетворяемые в централизованном порядке), о кассовом исполнении и учете кредитов и о сверхсметных кредитах. Последние могут ассигновываться лишь СНК РСФСР.

2. Постановление СНК РСФСР от 21 апреля о включении в состав губернских (областных) междуправительственных комиссий по распределению субвенционных фондов и наблюдению за использованием таковых представителя от губкомнотделов и губотместхозов («Изв. ЦИК СССР» от 28 апреля, № 95) вызвано тем обстоятельством, что на эти комиссии, действующие на основании постановления СНК РСФСР от 7 января 1925 г. («Собр. Узак.» № 4, ст. 28), возлагается распределение фондов, предназначенных отчасти и на осуществление мероприятий в области коммунального хозяйства и дорожного строительства (положение от 29 декабря 1924 г. о государственных субвенционных фондах для финансирования местных бюджетов—«Собр. Узак.» 1925 г., № 3, ст. 24).

3. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 13 апреля о внесении некоторых изменений в структуру финансово-налоговых отделов уездных исполнительных комитетов («Изв. ЦИК СССР» от 26 апреля, № 94) разрешено образование в составе этих отделов особого контрольного подотдела и особой должности инспектора по неналоговым государственным доходам. Это изменение структуры уфинотделов, установленной положением об исполкомах от 16 октября 1924 г. («Собр. Узак.» № 82, ст. 825), может происходить по соглашению соответствующего губисполкома с Наркомфином РСФСР.

4. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 21 апреля об изменении некоторых статей положения об административном отделе губернских и областных исполнительных комитетов («Изв. ЦИК СССР» от 28 апреля, № 95) отделение по регистрации обществ и иностранцев общего подотдела преобразовано в отделение административного надзора, выполняющее также функции по выдаче разрешений на устройство собраний и на штампы и печати, по выдаче видов на жительство иностранцам, по учету лиц, лишенных избирательного права, по выдаче разрешений на торговлю вином и пивом, произведениями неперiodической печати, печатными машинами, множительными аппаратами, шрифтами и оружием, на открытие типографий и на производство плодоягодных вин и пива, по составлению проектов обязательных постановлений по вопросам административного характера, по даче заключения по всем другим проектам обязательных постановлений, по наблюдению за исполнением постановлений власти и по наложению взысканий, утверждаемых заведывающим административным отделом, за нарушение обязательных постановлений. Кроме того, исправлена редакция лит. «о» п. 2 положения от 11 августа 1924 г. («Собр. Узак. РСФСР» 1924 г., № 70, ст. 690), относившей к ведению административного отдела последующую (по получению надлежащего разрешения) регистрацию всех предприятий, торговых и промышленных. Между тем, действующие узаконения возлагают эту регистрацию и ведение торгового реестра на органы Наркомвнуторга, губвнуторга. Новая редакция возлагает на административные отделы лишь последующий (после состоявшейся регистрации) учет предприятий.

5. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 21 апреля о дополнении 18 ст. и об изменении 28 ст. Зем. Код. РСФСР («Изв. ЦИК СССР» от 1 мая, № 98). Лит. «г» 18 ст. 3. К. устанавливает прекращение права на землю, предоставленную в трудовое пользование, в случае окончательного переселения пользователя в другое место с прекращением в прежнем месте самостоятельного хозяйства. Постановление, имея в виду случаи неудачного переселения,

связанного с возвращением на место прежнего жительства, сохраняет за переселенцами право на земельный участок в прежнем месте на срок до двух лет, а в отдельных случаях и до трех лет. То же право сохраняют и расселенцы, получающие для нового поселения участки, требующие раскорчевки, осушения и др. мелиоративных работ. Изменение ст. 28 состоит в признании основанием для сдачи земли в аренду всякой советской и общественной службы, а не только выборной, а также переселения кого-либо из членов двора. Вознаграждение допускается денежное или натуральное.

6. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 23 марта о землеустройстве кочевого, полукочевого и переходящего к оседлому хозяйству населения Калмыцкой автономной области («Изв. ЦИК СССР» от 26 апреля, № 94) распространяет на эту область действие положения о землеустройстве кочевого, полукочевого и переходящего к оседлому хозяйству населения автономной Киргизской сов. соц. республики («Собр. Узак.» 1924 г., № 40, ст. 366) с изменениями, как обусловленными особым положением Калмыцкой области, так и чисто редакционного характера.

7. Постановлением СНК РСФСР от 15 апреля о порядке определения размера убытков, причиненных крестьянскому хозяйству потравami («Изв. ЦИК СССР» от 26 апреля, № 94), имеющим целью устранение излишних споров, вызываемых потрами пашен, лугов и пр., установлено образование в каждом селении особой комиссии в составе члена сельсовета и двух очередных исполнителей; при отсутствии последних места членов комиссии замещаются гражданами по назначению сельсовета. Комиссия производит осмотр, устанавливает размер убытка и составляет акт, представляемый сторонам. При согласии сторон с произведенной оценкой возмещение в определенном размере выплачивается в присутствии членов комиссии, о чем отмечается на акте. В случае несогласия одной из сторон с произведенной оценкой, а также в случае нештатного возмещения, дело передается в суд на общих основаниях. Для случаев потравы земельных угодий войсковыми частями остается в силе порядок, определенный постановлением СТО от 18 сентября 1923 г. («Собр. Узак.» 1923 г., № 100, ст. 999).

8. Постановлением Президиума ВЦИК от 21 апреля о предоставлении отпусков из мест заключения на полевые работы срочно заключенным крестьянам («Изв. ЦИК СССР» от 26 апреля, № 94) мотивировано целью поддержки сельских хозяйств крестьян, стбывающих меру социальной защиты в виде лишения свободы, но не относящихся к категории профессиональных преступников. Право разрешения отпусков на срок до 3-х месяцев предоставлено губернским распределительным комиссиям и осуществляется в отношении крестьян, совершивших преступление в первый раз, по неосознанности или вследствие тяжелых материальных условий и в то же время не внушающих опасения в смысле побега; кроме того, должно быть установлено, что отпуск не вызывает недовольства со стороны местного населения. Отпускное время может быть зачтено в срок лишения свободы при условии не совершения во время отпуска другого преступления, своевременного возвращения из отпуска и участия в выполнении работ, для которых был предоставлен отпуск.

Постановление распространяется и на лишенных свободы красноармейцев и краснофлотцев, сверстники которых уже освобождены от действительной службы в бессрочный отпуск.

9. Утверждено постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 13 апреля положение об устройстве и содержании городских и уездных телефонных сетей общего пользования, находящихся в ведении областных и губернских

исполкомов («Изв. ЦИК СССР» от 29 апреля. № 96) устанавливает на основании постановления от 12 ноября 1923 г. о Наркомпочтеле, постановлений ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1923 г. («Собр. Узак. РСФСР» 1923 г., № 24, ст. 290) и ЦИК СНК Союза ССР от 29 августа 1924 г. («Собр. Зак. СССР» 1924 г., № 6, ст. 70), что общий надзор за правильностью устройства и эксплуатации телефонных сетей общего пользования, находящихся в ведении местных органов, осуществляется органами Наркомпочтеля. Для этого установлен ряд правил, согласно которым возложены на местные органы обязанности по согласованию с органами Наркомпочтеля мероприятий по организации телефонного сообщения и по соблюдению издаваемых последним технических правил. Таким на все виды телефонных услуг, устанавливаемые губисполкомами, не могут быть выше предельных, устанавливаемых НКПС такс. Ликвидации сетей, находящихся в ведении местных органов, не может происходить без согласия органов почтово-телеграфного ведомства, равно как и устройство новых сетей в местностях, где существуют аналогичные сооружения Наркомпочтеля.

10. Постановление СНК РСФСР от 21 апреля об оплате помещений, занимаемых кино-театрами в муниципализированных строениях («Изв. ЦИК СССР» от 28 апреля. № 95) дополняет и развивает постановление СНК РСФСР от 13 марта 1924 г. об оплате помещений, занимаемых учреждениями («Собр. Узак.» 1924 г., № 24, ст. 244). Содержатели кино-театров — Госкино и отделы народного образования — должны заключать арендные договоры с органами коммунального хозяйства на занимаемые ими помещения, оплачивая их по ставкам, установленным губисполкомами для состоящих на государственном бюджете учреждений. В случае принятия на себя съемщиками помещений каких-либо обязательств по ремонту (за исключением специального характера ремонта) арендная плата понижается.

11. Постановление Президиума ВЦИК от 21 апреля о цензурировании репертуара артистов академических театров («Изв. ЦИК СССР» от 28 апреля. № 95) возла-

гает обязанность цензурирования на главный репертуарный комитет при Главлите. Заслуженным же и народным артистам разрешается выступить без предварительного просмотра их репертуара.

12. Согласно постановления Президиума ВЦИК от 27 апреля об изменении ст. 106 положения об Уральской области («Изв. ЦИК СССР» от 1 мая, № 98) число членов райисполкомов установлено в 15 при 5 кандидатах вместо трех членов и трех кандидатов, установленных прежней редакцией («Собр. Узак. РСФСР» 1923 г., № 103—104, ст. 1028). В исключительных случаях постановлением окрисполкома, утвержденным облисполкомом, число членов райисполкома может быть доведено до двадцати одного.

13. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 27 апреля об изменении лит. „н“ ст. 47, лит. „д“ ст. 50 и ст. 54 положения об Уральской области («Изв. ЦИК СССР» от 30 апреля, № 97) ограничивает компетенцию Уральского облисполкома сравнительно с установленной прежней редакцией, приводит ее в соответствие с другими законами, в частности, положениями об отдельных наркоматах. Так контроль и ревизия исполкома не распространяются на учреждения Наркомата Иностранных Дел; о случаях приостановления распоряжений уполномоченных центральных ведомств должно быть немедленно доведено до сведения последних. В части передвижения кредитов по общегосударственному бюджету облисполком получил права автономной республики, в отношении же местного бюджета право передвижения кредитов ограничено 25%-ной предельной нормой. Особенно значительно изменена ст. 54 положения, трактующая права облисполкома в деле транспорта.

14. Постановление Президиума ВЦИК от 21 апреля о преобразовании Чувашской автономной области в Чувашскую автономную сов. соц. республику («Изв. ЦИК СССР» от 1 мая, № 98) вызвано достижением чувашским народом более высокой степени культурного и экономического развития.

М. Брагинский.

Отклики с мест.

(Из статей, поступивших в Редакцию).

Что такое норма алиментов, подлежащая преимущественному удовлетворению?

Циркуляр НКЮ и НКСобеза № 136/86—1924 г. за основу при исчислении размера алиментов устанавливает средний месячный заработок рабочих места проживания подлежащего обеспечению лица. Тов. В. пишет:

«Суды выдают справки на получение этой действительной средней цифры, определяющей возможную к получению сумму в порядке преимущественного удовлетворения. Заинтересованное лицо обращается за помощью нигде не опубликовываемой цифры. В губсоцстрахе отвечают, что таковая существует только для исчисления размера дополнительных пособий; в губпрофсовете дают справку только по данным своей статистики. Для суда это не убедительно. На основании циркуляра № 136/86 суд обязан требовать цифру, согласованную с губсоцстрахом и губпрофсоветом, так как только с ней он может считаться».

Тов. В. предлагает этим двум органам опубликовать средний заработок рабочих данной местности.

Как быть с обращением взыскания на имущество крестьянского двора?

Казалось бы, что ст. 271, п. «в» ГК достаточно ясно разрешает этот вопрос. Но вот т. Астафьев (Ульяновск) приводит случаи, которые с трудом регулируются названной статьей:

«1) Гр. Х. по договору подряда должен был выполнить известные обязательства, последние им не выполнены. Был получен аванс, который не возвращен. Дело прошло в судебном порядке, иск удовлетворен, а дальше . . . получить — то госоргану и нечего: ответчик ведет крестьянское хозяйство и имеет имущество, которое перечислено в ст. 271 ГК, а также «домики», крытый железом и с хорошинами надворными постройками. В то время, когда заключался

договор, упомянутый выше Х. имел личный патент как лицо, занимающееся подрядами. 2) Два лица получили суду на торговое дело из Госбанка, ее не уплатили. При взыскании по решению суда они оказались ведущими крестьянское хозяйство и имеющими дома размером 20×15 арш. (у крестьян таких почти нет).

Что делать в случаях столь очевидных «махинаций»? По мнению т. Астафьева, нужно разъяснение, которое положило бы предел такого рода обогащениям за счет госорганов.

Нужно допустить выдачу судебных приказов по раздельным записям.

Значительный процент семейно-имущественных разделов разрешается с общего согласия членов двора путем учинения раздельной записи (ст. 78 Зем. Код.). Однако, при приведении в исполнение таких разделов зачастую возникают споры между участниками раздела, а в результате судебная тяжба.

Тов. Переверзеву (Курская губ. и у.) представляется желательным применение в этих случаях судебных приказов:

«Если обратиться к ст.ст. 210 и 211 ГПК и сопоставить с ст. 78 ЗК, то можно заметить, что судебные приказы выдаются по актам: 1) для которых установлен нотариальный порядок совершения или засвидетельствования при условии его соблюдения, 2) если ответственность должника явствует из документа, 3) если установлен срок требования. Ст. 78 ЗК, устанавливая содержание раздельной записи в лит. «г», делает указание о сроке и порядке исполнения раздела, а регистрация записи волисполномом (один из случаев гос. зем. записи) является равной нотариальному порядку совершения. След., выдача судебных приказов по раздельной записи не противоречит ст.ст. 210—211 Гр. Пр. Код.»

Необходимо, чтобы стороны извещали уголовный суд о перемене своего адреса.

Не приходится говорить сколько задержек происходит от неизвещения суда сторонами о перемене своего адреса, сколько других участников дела в силу этого вынуждены, проехав зачастую большие расстояния, возвращаться по до-

мам в ожидании назначения дела вторично. Особенно это сказывается по делам, возбуждаемым в порядке частного обвинения (ст.ст. 103, I ч. 157, I ч. 172 и 174). Между тем, — пишет тов. Иванов — здесь можно было бы дело производством прекратить,

«исходя из тех соображений, что потерпевший своими действиями показывает, что он исходом дела ничуть не интересуется. Частенько случается и так, что потерпевший давно уже примирился со своим обидчиком и в суд не является и не извещает о состоявшемся примирении даже в том случае, когда он извещен повесткой».

Для этого надо ввести в УПК статью, аналогичную ст. 74 ГПК, обязывающую стороны извещать суд о перемене своего адреса во время производства дела.

Больше внимания органам дознания.

Сообщения с мест говорят за то, что нововведение ст. 105 УПК о непосредственном контроле следователя над деятельностью органов дознания дает положительные результаты, улучшая работу органов дознания, повышая ее качество.

Один из недостатков в работе органов дознания — это производство дознаний милицией даже и тогда, когда многие дела могли бы с успехом разрешаться в порядке частной инициативы, путем прямого обращения потерпевшего в суд.

Тов. Синицын (Курская губ., Львовский уезд) предлагает изжить это такими мерами:

«Следователь, кроме практических указаний по делам, поступающим к нему в порядке 105 ст. УПК, делаемых им органам дознания при возвращении дел, присланных на прекращение или для составления постановления о предании суду, может и должен чаще производить обзор дел на месте; проводить совещания с органами дознания по вопросам права и, прежде всего, уголовного».

Суд вместо возвращения дел, отягощающих милицию и розыск, должен в лице нарсудьи чаще заглядывать в каморку, в которой ютится воли милиция, и помочь там хоть раз в месяц правильности подхода к производству дознания и сделать практические верные указания».

Из деятельности Наркомюста.

Раз'яснения Отдела Законод. Предп. и Кодификации.

Обязаны ли ВЦСПС и его профорганизации на местах свидетельствовать в нотариальном порядке сделки в порядке ст. 137 Гражд. Кодекса РСФСР?

Народный Комиссариат Юстиции по Общеконсультационному подотделу раз'яснил Упр. дел. ВЦСПС (раз. № 251 от 23/II—25 г.):

«1. Обязательность нотариального засвидетельствования установлена ст. 137 Гражд. Код. только в тех случаях, когда обе договаривающиеся стороны или одна из договаривающихся сторон являются госучреждением или госпредприятием. Если договор заключается между частными лицами, то договор не подлежит обязательному нотариальному засвидетельствованию.

2. На рассмотрении НКЮ уже был вопрос, распространяется ли ст. 137 Гражд. Код. на договоры, заключаемые кооперативными организациями, и НКЮ пришел к выводу (Еж. Сов. Юст. № 44 за 1924 г. стр. 1061), что кооперативное имущество, согласно ст. 52 Гражд. Код., различается от государственного имущества, объем прав кооперации согласно ст. 57 Гражд. Код., отличается от объема прав госорганов, а потому на кооперативные организации не

распространяется обязанность свидетельствовать в нотариальном порядке заключаемые ими сделки и, следовательно, в отношении свободы от обязательного нотариального засвидетельствования сделок кооперативные организации приравниваются к частным лицам.

3. ВЦСПС и его профорганизации так же, как кооперация не являются госорганами ни на хозрасчете, ни на госбюджете. Профорганизации содержатся на процентные отчисления от зарплаты членов, добровольно входящих в состав профорганизаций. Профорганизации так же, как кооперация являются общественными (негосударственными) юридическими лицами. Поэтому профорганизации в отношении соблюдения ст. 137 Гражд. Код. должны быть приравнены не к госорганам, а к частным лицам, т.-е. сделка между двумя профсоюзами свободна от обязательного нотариального засвидетельствования, сделка между профсоюзом и частным лицом свободна от обязательного нотариального засвидетельствования, сделка между профсоюзом и госорганом подлежит обязательному нотариальному засвидетельствованию, если сумма сделки превышает 1000 руб. на точном основании пункта 1-го ст. 137 Гражд. Кодекса».

Из деятельности Верховного Суда РСФСР.

Определения гражданской касс. коллегии.

Определение по делу № 3536.

Именем РСФСР 1925 года, февраля 24-го дня, Верховный Суд по кассационной коллегии по гражданским делам, в составе: председателя — В. Н. Лобедова, членов: Л. А. Саврасова и Ф. И. Прокофьева, в открытом судебном заседании слушал дело по иску д.м.у. управления дома коммуны Анистреста по Садовой-Кудринской ул. № 19 к гр. Витухновскому, Л. С., о взыскании 1451 руб. 56 коп. кв. платы и выселении, по кассационной жалобе гр. Амчиславского. М. А., на решение Московского губсуда от 16—18 декабря 24 г., коим определено:

„договор, заключенный Витухновским с домоуправлением Анистреста от 9/VIII—1922 года, расторгнуть. Взыскать с Витухновского в пользу домоуправления Анистреста дома коммуны по Садовой-Кудринской улице № 19 две тысячи пятисот девяносто семь рублей 90 коп. Выселить гр. Витухновского и гр. Амчиславского с семьей из занимаемой ими квартиры № 8 дома № 19 по Садовой-Кудринской улице в месячный срок. В остальной части иска домоуправления к Витухновскому и о выселении Лившиц отказать, предоставив истцу право переселения гр. Лившиц в другую комнату дома. Возложить на ответчика Витухновского в пользу истца судебных пошлин 151 р. 80 коп. и за ведение дела 10% с 1038 р. 94 коп.“.

Рассмотрев дело, ГKK находит:

Истец просил о выселении Витухновского 11/VIII—24 года; при пред'явлении дополнительного иска приложил список членов семейства Витухновского, совместно с ним проживающих, в том числе гр. гр. Амчиславского и Лившица.

В заседании 5/XI—24 года означенные граждане ходатайствовали о привлечении их в качестве третьих лиц. Истец возражал, считая их субарендаторами.

В заседании 12/XI, по вопросу о допущении Амчиславского и Лившица в качестве третьих лиц, истец уже не возражал против Лившица, а только против Амчиславского, как не проживающего в квартире Витухновского. Суд удовлетворил ходатайство обоих и на дальнейших заседаниях они фигурировали, как третьи лица. Суд не выносил определения о признании их ответчиками и, однако, вынося решение, постановил: „п. 11) иск о выселении Лившица с женой и детьми не подлежит удовлетворению, учитывая его семейное положение, а также и ту работу, которую Лившиц ведет в МГСПС». Таким образом, в отношении одного из третьих лиц суд, не признавая его ответчиком, по со бражениям, не вытекающим из отрицания факта принадлежности его к семье Витухновского, вынес решение об отказе истцу в части иска. В то же время по отношению к другому третьему лицу, Амчиславскому, суд, также не вынося определения о признании его ответчиком и не обсуждая вопроса о принадлежности его к семье Витухновского, вынес другое решение — выселить.

Не говоря уже о необоснованности признания Амчиславского и Лившица членами семьи Витухновского, ибо об этом признании в решении нет ни слова, одного того обстоятельства, что лица, к которым не был пред'явлен иск о выселении, которые были допущены в качестве третьих лиц и не были судом признаны ответчиками, одного этого обстоятельства достаточно, чтобы признать решение губсуда неправильным.

Суду надлежало установить, являются ли Амчиславский

и Лившиц членами семьи Витухновского, выяснить противоречивые заявления истца, с одной стороны, поместившего Амчиславского в список членов семьи Витухновского, затем указывавшего, что он является суб-арендатором, а потом заявившего, что он в этой квартире даже не проживает. Поскольку иск был предъявлен к Витухновскому, суд не имел основания считать ответчиками не привлеченных к делу в качестве таковых других лиц.

На основании изложенного ГПК определяет:

Решение Московского губсуда от 16—18/XII—24 года в части, касающейся выселения Амчиславского, отменить, и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе.

Определение по делу № 34306.

Именем РСФСР 1925 года, февраля 24 дня, Верховный Суд по кассационной коллегии по гражданским делам, в составе: председателя—А. А. Крамер-Агеева, членов: Н. М. Иванова, В. С. Селезнева, в открытом судебном заседании слушал дело по иску Макарова, Мих. Е., к Таргонскому, В. А., о взыскании за похищенн. вещи, по кассационной жалобе Макарова, Мих. Е., на решение Московского губсуда от 21/X—24 года, коим определено:

«Иск признать недоказанным и в таковом гр-ну Макарову отказать».

Рассмотрев настоящее дело, ГПК находит, что суд приступает к рассмотрению дела не иначе, как по заявлению заинтересованной в том стороны, в виду этого истец вправе предъявить иск к любому лицу, коего он считает перед ним ответственным, таким образом заявленное истцом Макаровым в судебном заседании 21 октября 24 г. ходатайство о привлечении в качестве соответчика домоуправление по точному смыслу 2-й ст. ГПК не могло быть отклонено судом в порядке частного определения, так как освобождение от ответа по предъявленному иску могло последовать только при вынесении решения по существу дела в связи с установленными судом фактическими обстоятельствами дела;

2) что, как видно из дела, свой иск гр. Макаров основывал на ст. 60 Гр. Код., доказывая неправомерность отчуждения принадлежащих ему вещей гр. Таргонским, а равно незакономерность продажи вещей гр-кой Вальдман. Поэтому губсуду следовало проверить правильность и законность произведенной гр-кой Вальдман продажи вещей истца Макарова гр. Таргонскому и знал ли последний, приобретая вещи, о том, что последние принадлежат Макарову и что продажа их незаконна, при этом суду следовало обсудить, может ли быть незаконная продажа гр. Вальдман принадлежащих ей вещей в отсутствие владельца таковых приравнена к понятию, изложенному в 60 ст. ГК хищения вещей, что для более подробного освещения означенного дела, учитывая при этом отсутствие гр. Вальдман и ее письменное заявление, суду следовало приобщить к настоящему делу уголовное производство, о чем было заявлено ходатайство истца;

3) что никакие денежные расчеты между гр. Вальдман и истцом Макаровым, на что ссылается суд в своем решении, не давали права гр. Вальдман самовольно на покрытие долга Макарова, если даже таковой и был, обращать взыскание на его имущество без надлежащего судебного решения. А поэтому положенный судом в основание отказа в иске довод о долгах Макарова гр. Вальдман не может быть признан правильным.

На основании изложенного, ГПК определяет:

Решение Московского губсуда от 21 октября 24 года отменить и дело для нового рассмотрения в ином составе передать в тот же губсуд».

Определение по делу № 3797.

Именем РСФСР 1925 года, марта 26-го дня, Верховный Суд по кассационной коллегии по гражданским делам, в составе: председателя—А. А. Лисицына, членов: Д. А. Саврасова, В. С. Селезнева, при прокуроре Б. М. Бродском, в открытом судебном заседании слушал дело по иску Ильина, П. В., к гр-нам Соломанову, С. А., Хлунову, А. А., Селиверстову, В. С., Захарову, И. И., Хлуновой, Л. Г., Линденбергу, М. В. и Мещанинову, И. Д. и гр. Латышеву о взыскании заработной платы, компенсации за неиспользов. отпуск и за увечье, по кассационной жалобе гр-н Соломанова, С. А., Хлунова, А. А., Селиверстова, В. С., Захарова, И. И., Хлуновой, Л. Г., Линденберга, М. В. и Мещанинова, И. Д. на решение Московского губсуда от 21 ноября 24 года, коим определено:

«Взыскать с 1) Соломанова, 2) Хлунова, 3) Захарова, 4) Селиверстова, 5) Хлуновой, 6) Линденберга, 7) Мещанинова солидарно в пользу Ильина, Петра Васильевича, по 24 руб. (двадцать четыре) ежемесячно, начиная с 23-го февраля 1923 года пожизненно, возложить на ответчиков уплату судебной пошлины в доход Республики по 17 р. 28 к. зол. в год, начиная с 23-го февраля 1923 г. вперед за каждый год, взыскать с ответчиков в пользу истцовой стороны в пор. прим. к ст. 46 Гр. Пр. Код. сто рублей».

Выслушав объяснения представителей сторон и заключение прокурора, гражданская кассационная коллегия находит: что применение 406 ст. Гр. Код. возможно только в том случае, если, несмотря на ответственность по 403—405 ст. ГК, суд, считая лицо; причинившее вред, объективно ответственным по мотивам социального свойства, когда, в зависимости от имущественного положения причинившего вред и имущественного положения потерпевшего, суд сочтет возможным не считаться с отсутствием юридической ответственности по 403—405 ст. ст. ГК причинившего вред. Но, однако, момент причинения вреда именно данным лицом должен быть налицо, ибо без этого применение 406 ст. ГК вообще не имеет смысла.

При том положении, которое имеется по данному делу причинение вреда не действиями ответчика, а получение увечья потерпевшим на жел. дор. вследствие своей грубой неосторожности—совершенно исключается возможность привлечения ответчиков к суду и, следовательно, никакого распространительного толкования ст. 406 ГК и не требовалось, тем более в таком вольном и широком масштабе, как это сделал губсуд, не приведя к тому достаточных мотивов.

Гр. кассколлегия усматривает из дела, что первоначально заявленный гр. Ильиным иск о заработной плате за время лечения и за неиспользованный отпуск, в виду направления процесса в другую сторону, остался нерассмотренным.

На основании изложенного, гражданская кассационная коллегия Верховного Суда определяет: решение Московского губсуда от 21-го ноября 1924 года отменить и дело о взыскании с ответчиков в пользу истца не в силе прекратить. Передать на новое рассмотрение трудовой сессии нарсуда дело по иску Ильина о заработной платы и за неиспользованный отпуск, согласно первоначального его искового заявления.

Определения уголовной касс. коллегии.

Пермская судебная-кассационная (постоянная) сессия Уральско-го областного суда по уголовному отделу—приговором от 25 февраля 1925 года—признала виновными:

1) Шестакова, И в/а Кондратьевича, 29 лет, из граждан Уральской области, Пермского округа, Ленинского уезда, дер. Софроны, семейного, малограмотного, беспартийного, ниже среднего имущественного положения, ранее не судившегося и

2) Шестерова, Василия Демидовича, 27 лет, из граждан той же деревни Софроны, семейного, неграмотного, беспартийного, имущественного положения среднего, ранее не судившегося,

в том, что они 12-го января 1919 года в дер. Софроны, совместно с ныне умершим Пиголевым, Яковом, будучи вооружены, Шестаков—шашкой, а остальные два винтовками, и преследуя цель оказания содействия белогвардейцам в расправах с коммунистами, явились в избу дер. Софроны, в которой скрывался от белогвардейцев, записавшихся незадолго перед этим дер. Софроны, инструктор Всеобуча коммунист Пиголев, Фаддей, вывели Пиголева, Фаддея, из избы за деревню и убили его, при чем Пиголев, Фаддей, сначала был изрублен Шестаковым, Павлом, шашкой, потом добит Пиголевым, Яковом, выстрелами из винтовки, а Шестерев, Василий, не принимая непосредственного участия в убийстве, стоял во время убийства на страже с целью дать возможность двум остальным беспрепятственно совершить таковое,—т.-е. в преступлении, предусмотренном ст. 64 Уголовного Кодекса, и приговорила:

Шестакова, Павла, по ст. 64 УК—к расстрелу, без конфискации имущества в силу маломощности его хозяйства и наличия у осужденного семьи.

Шестерова, Василия, по ст. 64 УК—к пяти годам лишения свободы со строгой изоляцией без поражения прав. Принимая во внимание неграмотность осужденного и его малосознательность, применить ст. 28 УК и снизить ему наказание до двух лет лишения свободы со строгой изоляцией, без поражения прав и без конфискации имущества.

В кассационных делах осужденные, указывая на свое происхождение из трудового крестьянства, на малую сознательность,

давность совершенного преступления, а также на то, что со времени совершения преступления прошло более пяти лет, в течение которых они вели честную трудовую жизнь, просят, во-первых, о замене расстрела по прим. 2-му к ст. 33 УК и, во-вторых, о снижении наказания.

Уголовная кассационная коллегия Верхсуда в заседании от 25 марта 1925 года в составе председательствующего тов. Кропберга и членов т.т. Немцова и Козлова—по настоящему делу вынесла следующее определение:

„По настоящему делу преступление Шестаковым совершено в начале 1919 года, т.-е. более шести лет тому назад, вследствие чего, согласно 2 примечания к 33 ст. УК, в отношении его не могла быть избрана высшая мера социальной защиты—расстрел, вообще же мера социальной защиты в отношении Шестакова и Шестерова явно по тяжести не соответствует содеянному и не целесообразна, поскольку ими преступление совершено шесть лет тому назад по неосознанности, а все последующие годы они, нигде не скрываясь, вели честную трудовую жизнь, поэтому приговор по настоящему делу, как постановленный с неправильным применением закона и несправедливый, на основании 416 и 417 ст.ст. УПК—отменить.

Далее учитывая, что со времени совершенного Шестаковым и Шестеровым преступления прошло свыше шести лет, что само преступление ими совершено в острый период гражданской войны не как классовыми врагами, а по неосознанности, поскольку они являлись лишь слепыми исполнителями воли сознательных предателей рабоче-крестьянского дела, что за все последующее время они никаких преступлений не совершали, а вели честную трудовую жизнь,—малограмотный Шестаков все время до 1924 года работал плотником и водопроводчиком, а неграмотный Шестеров занимался хлебопашеством, вследствие чего они в настоящее время не представляют никакой социальной опасности и содержание их под стражей ничем не вызывается, а наоборот, является нецелесообразным, поэтому, не передавая дела на новый судебный разбор, таковое в порядке ст. 4-а УПК производством прекратить с немедленным освобождением Шестакова и Шестерова из под стражи.

== Х Р О Н И К А. ==

Оплата векселей при случайных протестах.

В октябре 1924 г. комитетом по делам банков был установлен с целью облегчения положения исправных векселедателей особый порядок оплаты векселей при случайных протестах происходящих от невозможности установить к сроку местонахождение векселей.

В таких случаях векселедателям предоставляется право обращаться в учреждения Госбанка с поручением внести местонахождение векселя и своевременно оплатить, внося одновременно в кассу банка сумму данного векселя. Если тем не менее банком вексель к сроку обнаружен быть не мог и произошел протест, на учреждение банка возлагается обязанность принять меры к скорейшему снятию этого протеста.

Однако, и это облегчение не избавило исправных долж-

ников от тяжелых последствий, вызываемых случайными протестами, так как впредь до формального снятия протеста их кредитование в Госбанке приостанавливалось. Чтобы освободить клиентов от этих последствий, вредно отражающихся на их финансовом положении, правлением Госбанка в настоящее время разрешено управляющим конторами и отделениями 1-го разр. в тех случаях, когда протест произошел, продолжать кредитование клиента, несмотря на наличие протеста, не ожидая формального снятия такового.

Но продолжение кредитования возможно в этих случаях лишь при условии, если векселедателем будет определенно доказано, что протест произошел не по его вине и что деньги были внесены своевременно. При этом доказательства эти должны быть признаны учетно-судным комитетом соответствующего учреждения Госбанка вполне достаточными и не вызывающими никаких сомнений.

Право кредитных учреждений вскрывать и освобождать сейфы.

НКФин РСФСР по согласованию с НКЮ разъяснил (раз. № 721105—25 г.), что вскрытие сейфов и освобождение их должно быть производимо не иначе, как в порядке судебного производства в случае отсутствия согласия на то их арендаторов.

При этом и в тех случаях, когда кредитное учреждение желает освободить, по истечении срока аренды сейф, занятый лицом, местожительство которого кредитному учреждению неизвестно, также должен быть предъявлен соответствующий судебный иск с соблюдением правил, установленных Гражд. Проц. Кодексом в ст. ст. 26, 72 и 259, коими предусмотрен порядок предъявления исков, рассмотрения дел в суде и исполнения судебных решений при неизвестности фактического местожительства или занятия ответчика.

Всекие соглашения кредитного учреждения с клиентом, коими устанавливались бы права кредитного учреждения на осмотр без согласия арендатора содержимого сейфа, непредоставление кредитному учреждению права без судебного постановления проникать в заарендованное помещение (сейф) или в таком же порядке без суда очищать сейф, вынимать из него хранящееся там имущество и фактически прекращать пользование сейфом без согласия его арендатора — являются недействительными в соответствии с законом, признающим недействительность соглашений, клонящихся к ограничению принадлежащих гражданам прав и к отказу их от судебной защиты.

Взыскание недоимок по облигациям и штрафам.

НКФин РСФСР разъяснил, что принудительное размещение облигаций выигрышного займа является дополнительным к обложению под.-поим. налогом. В силу этого в виду смерти плательщика налога, оставшаяся неуплаченной недоимка по выборке облигаций подлежит взысканию в бесспорном порядке с имущества умершего, если такое имущество осталось после него или перешло к кому-либо по наследству.

Недоимки штрафов за нарушение законоположений о п. н. налоге не подлежат взысканию с имущества умерших плательщиков т. к. штраф является налоговой карой и носит исключительно личный характер.

Разъяснения по гербовому сбору.

НКФин разъяснил, что сделки, совершенные на бирже без участия маклеров и зарегистрированные на биржевом собрании не позднее 3-х дней после дня заключения сделки, согласно разъяснению Наркомвнуторга СССР, являются биржевыми наравне со сделками, заключенными с участием маклера. Сообщая об этом циркуляром от 10 ноября 1924 г. № 191 налоговое управление указало, что записи сделок хотя бы эти записи и подтверждались подписями сторон, гербовому сбору не подлежат, но выдаваемые сторонами выписи из регистрационных книг подлежат гербовому сбору, как первые документы по сделке.

Если банк берет с клиента два документа в обеспечение одной ссуды, как например, долговое обязательство на сумму ссуды и соло-вексель на ту же сумму, и так как по общему принципу герб. сбора одна сделка не может оплачиваться герб. сбором дважды, то один из обеспечивающих документов оплачивается пропорциональным гербовым сбором, а остальные простым. В конкретном случае выдачи

соло-векселя и обязательства при наличии оплаченного герб. сбор. векселя обязательство, как дополнительное, подлежит оплате простым герб. сбором 1-го разряда.

Отметки банка на обязательстве об отсрочке ссуды (каждая отметка) подлежат оплате пропорциональным гербовым сбором 2-го разряда.

Право на расторжение договора найма.

Согласно п. «д» ст. 47 Кодекса законов о труде, наниматель вправе расторгнуть трудовой договор при наличии одного из двух условий: 1) вследствие совершения нанявшимся уголовно наказуемого деяния, непосредственно связанного с его работой и установленного вступившим в законную силу приговором суда; 2) в случае пребывания нанявшегося под стражей более двух месяцев.

Так как применение этой статьи вызывало на местах недоразумения, НКТ разъяснил следующее.

За время нахождения трудящегося под арестом, а также за время отстранения его от работы по постановлению судебно-следственных властей, наниматель вправе приостановить выплату причитающегося ему вознаграждения впредь до вступления в законную силу оправдательного приговора или постановления о прекращении дела. В этих случаях согласия РКК на приостановку выплаты вознаграждения не требуется. Оправдание или прекращение дела в этих случаях налагает на нанимателя обязанность уплатить полностью вознаграждение не более, чем за два месяца с момента ареста или отстранения. Однако, если преступление, совершенное трудящимся, не связано с его работой, то наниматель может быть с согласия РКК и вовсе освобожден от уплаты вознаграждения.

Кроме того, наниматель вправе в интересах дела отстранить от работы с приостановкой выплаты вознаграждения трудящегося, застигнутого с поличным в совершении уголовно-наказуемого деяния, связанного непосредственно с работой или сознавшегося с совершении такого деяния. В этом случае требуется согласие РКК. Однако, наниматель не имеет права без требования судебно-следственных властей отстранить от работы трудящегося, совершившего уголовно-наказуемое деяние, не связанное с его работой. При оправдании или прекращении дела в этих случаях наниматель обязан уплатить трудящемуся вознаграждение полностью за все время со дня его отстранения и, кроме того, предоставить ему одинаковую по оплате и квалификации работу.

При обвинительном же приговоре или наложении взыскания в административном порядке, во всех без исключения случаях вознаграждение не выплачивается.

Расторгнуть трудовой договор, без рассмотрения в РКК и без выдачи выходного пособия, наниматель может лишь по истечении 2-месячного срока, либо с момента заключения трудящегося под стражу, либо ареста, либо отстранения его от работы по требованию судебно-следственных органов, а также по вступлении в законную силу, хотя бы и ранее 2-месячного срока, обвинительного приговора (но не административного взыскания).

Кроме того, наниматель имеет право за мелкие кражи, до 15 рублей, налагать дисциплинарные взыскания согласно издаваемой НКТ таблицы взысканий. В числе мер взыскания может быть и увольнение провинившихся от должности.

Это право предусматривается новым дополнением к Уголовному Кодексу (п. «д» ст. 180), принятым последней сессией ВЦИК.

По союзным республикам.

Деятельность прокуратуры УССР

На происшедшей в феврале 1925 года 4-й сессии Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета советов VIII созыва был заслушан доклад Наркомюста и Прокурора Республики тов. Н. А. Скрынника о деятельности прокуратуры УССР.

В настоящее время в составе прокуратуры почти полностью коммунисты, за исключением 6 беспартийных работников юстиции, выполняющих подсобные и менее ответственные функции. По социальному составу из общего числа 192 чел. имеется 51 рабочий и 11 крестьян. 19% состава прокуратуры работало в органах красной юстиции более 5 лет, 26% от 3 до 5-ти лет, 42%—от 1 до 3-х лет и вновь приобретших опыт—13%.

В области административного надзора в 1923 г. Прокуратура Республики сделала центральным ведомствам Украины 159 предложений об изменении ими изданных циркуляров и инструкций, при чем в 150 случаях ведомства изменили свои циркуляры и только в 9 случаях вопрос был разрешен ВУЦИК'ом по протесту Прокурора Республики. Губпрокурорами опротестовано в ГИК'и за 1923 г. 642 незаконных постановления—отделов ГИК'ов и ОКРиков. В огромном большинстве случаев эти протесты губпрокуроров были уважены ГИК'ами, и лишь в весьма небольшом числе случаев вопросы через Прокуратуру Республики переходили на рассмотрение ВУЦИК'а. Докладчик указал, что протесты на постановления исполкомов вовсе не свидетельствуют о том, будто все опротестованные постановления незаконны. Прямо нарушающих закон постановлений незначительное число; чаще случаи несогласованности с законом.

На втором году деятельности прокуратуры увеличение числа протестов губпрокуратур с 642 до 1978 по всей Украине и 98 протестов Прокуратуры Республики объясняется не тем, что увеличилось число незаконных действий ГИК'ов. Сначала внимание губпрокуратур было сосредоточено на ГИК'е, затем на окрисполкоме и далее на райисполкоме, при чем последних надлежащим надзором охватить не удалось. Среди 1978 протестов, принесенных в 1924 г., значительное число протестов падает не на губернские или окружные, а на райисполкомы. На 1925 год прокуратура ставит себе задачей проведение админнадзора за деятельностью райисполкомов и сельсоветов.

Предварительное участие прокуратуры в различных совещаниях в 1923 г. выражается в следующих цифрах: по Одесской губ.—751, Харьковской—559, Донецкой—659, Полтавской—420, Подольской—302, Черниговской—227, Екатеринославской—215 и Волынской—201. Цель участия прокуратуры в различных комиссиях была та, чтобы вырабатываемые постановления были закономерными, правильными.

Наблюдение и проведение революционной законности прокуратурой осуществлялось не только подачей протестов, но и иными путями, и, прежде всего, путем приема и разбора жалоб и заявлений со стороны отдельных граждан. Всего за год насчитывается 38.135 жалоб, которые рассмотрены, проведены и разрешены прокуратурой. Число жалоб и заявлений от граждан из года в год растет. У прокуратуры вставало опасение, не завалит ли мелкая буржуазия своими жалобами и заявлениями прокуратуру и не придется ли вместо того, чтобы проводить линию пролетарской диктатуры и защиты интересов Рабоче-Крестьянского Правительства, независимо

от своей воли, проводить охрану интересов мелкой буржуазии. Но жизнь показала, что опасения были неосновательными. Из общего числа 38.135 жалоб подано со стороны нетрудового элемента всего 14,4%; лицами свободных профессий—0,73%, рабочими, крестьянами и красноармейцами—43,84%, служащими—7%, по сообщениям рабкоров, селькоров, военкоров—7,8%. Таким образом, жалобы и заявления всех групп трудящихся составляют—72% всех жалоб, прошедших через прокуратуру. Содержание жалоб и заявлений составляют: национализация имущества—6½%, изъятие имущества—22%, неправильное производство описей, арест и продажа имущества—3%, обложение налогами и сборами—8%, наложение штрафов и взысканий в административном порядке—11½% и неправильное вселение и выселение—19%, а также неисполнение распоряжений органов власти—6%.

В дальнейшем докладчик указал, что за истекший год прокуратурой взято на учет 9.879 рабкоровских и селькоровских замечаний и сообщений об отдельных незаконных действиях агентов власти. Участие рабоче-крестьянских масс в деле раскрытия преступлений дало возможность прокуратуре провести необходимую работу в смысле пресечения хозяйственных, государственных и иных преступлений, а также проведения революционной законности. Незаконные или преступные действия со стороны сельских заправил вызывали со стороны прокуратуры соответствующие расследования и возбуждения судебных процессов.

Административный надзор за деятельностью арбитражных комиссий поставлен был надлежащим образом. В ином положении стоял вопрос о надзоре за деятельностью земельно-судебных комиссий, так как надзором охвачена была только деятельность центральной и губернских комиссий.

По вопросу о надзоре за следствием и дознанием докладчик указал, что в 1924 г. состояло 376 народных и 77 старших следователей, а всего 453 по всей Украине. Общая масса стоящих на разборе дел в 1924 г. доходит до 120.000. Нагруженность на каждый следовательский участок составляет 300—350 дел. К 1-му октября 1924 г. прокурорским надзором было рассмотрено 108.331 дело, т. е. почти 100% всех следственных дел. В общем надо признать, что следственный аппарат улучшился, а продолжительность заключения под стражей уменьшилась.

По вопросу о преступности на Украине докладчик указал, что таковая уменьшилась. Кроме того, раскрытие преступлений по сравнению с предшествующими годами увеличилось на 10%. Объясняется это улучшением хозяйственной жизни и проведением революционной законности.

В принятой сессией ВУЦИК резолюции по докладу деятельности Государственной Прокуратуры УССР за 1923—24 г. одобрена и признана политически правильной и целесообразной. Одобрено стремление прокуратуры к расширению и углублению административного надзора над низовыми госаппаратами, а равно хозорганами. Констатируется также, что связь прокуратуры с рабкорами, селькорами и военкорами в полной мере способствовала выполнению задач по выявлению должностных и хозяйственных преступлений, а также приближала прокуратуру к широким массам трудящихся.

Д. Розенберг.

НА МЕСТАХ.

В Саратовской коллегии защитников.

Для оказания юридической помощи населению в гор. Саратове функционируют центральная консультация, при губсуде, имеющая специальный отдел по оказанию помощи женщинам и детям, и районные при отделе труда, при губпрофсовете, исправтрудоме и доме крестьянина.

Помимо того, та же помощь оказывается членами Саратовской коллегии защитников в губоно при п/о. охраны прав несовершеннолетних, при первом городском районном комитете взаимопомощи губсобеза и союзе рабис, при фабрике «Саратовская мануфактура» и губвоенкомате (во время производства призывов).

Безработные и немущие получают помощь в центральной консультации бесплатно, трудовой элемент за минимальную плату, а остальные граждане по установленной таксе. В районных консультациях помощь дается совершенно бесплатно.

В уездных городах и крупных селениях юридическая помощь организована на тех же началах; при чем следует отметить, что в истекшем году значительное развитие получила практика выездов защитников в села и деревни, где ими оказывалась бесплатная помощь населению и делались доклады на собраниях граждан по разнообразным вопросам правового быта крестьянства. По городу Саратову 10 членов коллегии, по соглашению с Г.С.П.С., командированы для чтения лекций по советскому праву на фабриках и заводах города Саратова.

В прошедшую кампанию по выборам нарзаседателей членами коллегии было проявлено активное участие в организованных как в Саратове, так и по губернии предвыборных собраниях путем выступления на последних по заданию губ. суда. Независимо от этого, защитники принимают широкое участие в существующих на местах юридических кружках и проведении показательных процессов, инсценировок суда и друг. проявлениях общественности на местах.

Общее число граждан, обратившихся в консультации в 1924 году за дачей юридической помощи, определяется в 16.448, из которых лиц не принадлежащих к трудовому элементу было всего лишь 260 человек, крестьян 6.487, рабочих 1.262, служащих 708 и прочих групп 4.246, при чем приведенная общая цифра, имея в виду затруднительность точной регистрации обращающихся за помощью граждан, без ошибки может быть доведена до 25000.

Отмечая значительный рост общественной работы членов коллегии защитников, пленум Саратовского губсуда предложил президиуму коллегии защитников построить план работы на 1925—6 г.г., на основе углубления связи с профсоюзами, всестороннего развития деятельности по оказанию юридической помощи населению в уездах и широкой пропаганды советского права среди трудового крестьянства.

Имея в виду важность связи организации юридической помощи населению с кооперацией, губсудом дано задание упрочить эту связь на местах.

Констатируя недостаточность личного состава коллегии, губсуд предложил президиуму настоятельно продолжать работу по вовлечению в коллегию представителей партии, проф. организаций, нацменьшинств и женотдела, разработав вопрос о способах подготовки названных представителей к деятельности защитника, а в целях усиления состава защитников в уездах производить временные переброски работников коллегии из города Саратова на места, где недостаток в защитниках чувствуется особенно остро.

Между прочим, пленум постановил обратиться с представлением в губисполком о необходимости учреждения юрис-консультов хотя бы при ВИК'ах укрупненных волостей или при соответствующих крестьянских комитетах обществ взаимопомощи и по этому же вопросу войти в переговоры с губ. ККОВ.

В Пермской коллегии защитников.

(Уральская область).

Существовавшая раньше в Перми ячейка Уральской областной коллегии защитников после расформирования областной коллегии реорганизована в окружную коллегию защитников.

Наиболее важным вопросом окр. коллегии защитников сейчас является укомплектование мест путем сосредоточения защитников в местных районных центрах.

Президиум возлагает в этом отношении надежды и на стажиров, каковых он мыслит в качестве будущего пополнения кадров коллегии, и поэтому предъявляет для кандидатов в стажеры те же требования, которым должны удовлетворять кандидаты в члены коллегии за исключением наличия достаточных и практических познаний в области советского права.

Практическую правовую подготовку стажиров президиум наметил в виде участия их в консультациях и выступлениях в судах сначала под руководством членов коллегии, а затем и самостоятельно. Минимальный срок стажки установлен в шесть месяцев. Подготовка стажиров идет в форме коллективного, а не индивидуального патронажа. Такое руководство вполне возможно при том небольшом сравнительно числе стажиров, которое имеется при Пермской коллегии. Кроме того, поправкой к коллективному патронажу является возложение на одного из членов президиума руководства всей работой по подготовке стажиров с тем, чтобы путем повседневного наблюдения давать ей одно общее направление.

Разрешение вопроса о личном составе даст возможность шире развернуть общественную работу коллегии, но сейчас необходимо указать на реорганизацию и расширение консультаций в домзаке, рабочем центре Мотовилихе и при президиуме коллегии.

В отношении консультации в домзаке президиум обратил внимание на слабую ее посещаемость, которая объяснялась, с одной стороны, особыми условиями исправительного режима и, с другой—наличием при воспитательной части домзака юридического бюро.

Для оживления этой работы, по согласовании вопроса с прокуратурой и администрацией домзака, решено консультациям давать согласно заранее заготовленным администрацией домзака списков, которые и вручаются дежурному члену коллегии. Существующее при воспитательной части бюро используется коллегией в качестве технической силы.

В результате этой сравнительно небольшой реформы посещаемость немедленно же повысилась.

В Мотовилихе увеличено число дней и часов приема.

Деятельность по правовому просвещению масс осуществляется коллегией в контакте с юридическим обществом пока-что в форме бесед по вопросам права в местном доме крестьянина. Юридическим обществом и президиумом коллегии намечено также чтение лекций.

Президиумом коллегии установлена также связь с профессиональными организациями в лице окрипрофбюро.

Один из членов президиума делегирован в совет юридического бюро при окпрофбюро, в задачи которого входит оказание юридической помощи членам профсоюзов.

Совет учрежден для разрешения спорных вопросов права, возникающих в практике профконсультаций, а также выработки методов консультационной работы.

Кроме того, одна из организованных окружным профбюро консультаций в Шагинских железно-дорожных мастерских обслуживается целиком коллегией.

Коллегия несет также работу в комиссии помощи жертвам интервенции по проверке правильности заявлений об убытках, понесенных гражданами Пермского округа во время колчаковщины.

Таковы первые шаги реорганизованной коллегии в области общественной работы. Дальнейшее углубление этой деятельности президиум ставит основным пунктом своей программы.

Письмо в Редакцию.

Женщина в судебной работе.

В 1925 году приходится встречать гораздо чаще, чем в недалеком прошлом, женщину народным заседателем или общественным обвинителем. Конечно, это говорит за то, что женщина культивируется, что женщина начинает завоевывать то положение в обществе, которое ей наметила Коммунистическая партия. И нужно надеяться, что женщине в судебной работе придется играть не последнюю роль. Особенно было бы желательно, чтобы женщины вызывали в судебное заседание народными заседателями или общественными обвинителями по следующим делам: бракоразводным, по делам об изнасиловании женщин и об убийстве. Мне кажется, что женщина может суду принести немалую пользу своим активным участием, поскольку она является впечатлительней мужчины и инстинктивно может понять действительную правоту или виновность тех лиц, которые перед ее глазами на суде. Женщина поможет суду вести борьбу с предрассудками, поскольку ей тоже приходится вести борьбу в чисто бытовом отношении с вековыми традициями, а подчас даже рвать семейные узы с теми лицами, которые еще никак не хотят согласиться, что женщина человек, а не их раба или кухарка. Нужно сознаться, что многие, даже партийцы, выступающие на собраниях с речами, «что вы свободны и равноправны», дома себя ведут как обыватели, и когда женщина начинает им противоречить, отставляя свое личное «я», то они говорят: «Вы равноправны только на бумаге». Если теперь женщина не сумеет действительно провести в жизнь данные ей права, то она никогда не будет свободной и культурной. И женщине действительно стоит не мало трудов преодолеть и освободиться от дурмана прошлого, а с этим нужно бороться всеми мерами; одна из этих мер — суд, где и нужно давать широкое поле действия женщине и куда ее нужно привлекать. Она может, повторяю, принести суду немало пользы. Как

говорил тов. Ленин — «только сами рабочие могут освободить себя от гнета капиталистов», так и здесь «только сама женщина может себя освободить от гнета старых традиций и, поскольку женщина заинтересована в освобождении от этого ига, она будет стойко защищать права женщины в суде».

Пример: 28 марта 25 г. в судебном зале Грозненской постоянной сессии слушалось дело по обвинению Раинашвили в убийстве своей снохи: убил умышленно, самым зверским образом, изрезав чуть ли не на куски. На задаваемые судом вопросы подсудимому «за что вы ее убили», подсудимый отвечал «за то, что она изменяла своему мужу, а моему брату». — «А у вас есть данные, что она изменяла мужу?» подсудимый отвечает: «нет — я подозревал ее в этом и притом она хотела со мной вступить тоже в интимную связь и я ее за это убил», но слова подсудимого ничем не доказаны, так и осталось неизвестным, действительно ли она изменяла мужу или это просто клевета. И вот за такое дело этого подсудимого осудили условно на 3 года, где же спрашивается тут защита прав женщины? — В судебном зале слышится разговор женщин, которые возмущаются таким приговором: «как раньше женщину не считали за человека и всякий мог безнаказанно издеваться и даже убивать женщину, так и теперь: «убил женщину и его осудили условно». И, конечно, приговор неправилен. Нужно сказать правду, если народными заседателями или общественными обвинителями были бы женщины, то, я думаю, они бы настояли на более строгом наказании подсудимого, хотя бы одном годе тюремного заключения.

Поэтому то и желательно, чтобы по делам, где нужно защищать права женщины, вызывались народными заседателями или общественными обвинителями женщины, чтобы защитить права женщины.

Зеленская.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

СОДЕРЖАНИЕ:

Циркуляры Наркомюста: №№ 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 94.

Циркуляр № 84.

Всем губернским и областным судам.

О порядке совершения протеста векселей.

В дополнение к циркуляру от 30-го января 1924 года за № 19 Народный Комиссариат Юстиции предлагает нотариальным учреждениям руководствоваться следующими правилами при совершении протеста векселей.

1. Вексель может быть принят к протесту, если он предъявлен по месту платежа в нотариальную контору или при отсутствии в месте платежа нотариальной конторы народному судье. Если в месте платежа не имеется ни нотариальной конторы, ни камеры народного судьи, вексель должен быть предъявлен для протеста народному судье того района, в который входит место платежа, или в нотариальную контору, если она расположена в месте нахождения камеры нарсуда.

2. Векселя принимаются к протесту лишь при наличии всех элементов (реквизитов векселя), указанных в ст. 2-й полож. о векселях и примеч. 1 к этой статье, и при условии правильной оплаты гербовым сбором.

3. Вексель может быть предъявлен лишь на следующий день после срока, в который векселедатель обязался уплатить по векселю. Если срок платежа приходится на день нерабочий, то сроком платежа должен считаться следующий затем рабочий день. Соответственно передвигается и срок предъявления векселя в нотариальную контору для протеста. Точно также, если протест векселя приходится на день нерабочий, то он производится в первый затем рабочий день.

4. Нотариус или народный судья, принимая вексель, должен проверить непрерывность ряда передаточных надписей, по которым вексель перешел к векселедателю.

5. Усмотрев нарушение, указанное в п.п. 1—4, нотариус или народный судья отказывает в принятии векселя к протесту.

6. Если все указанные в п.п. 1—4 условия соблюдены, нотариус или народный судья не может отказать в принятии векселя.

7. Нотариус или народный судья не входит в рассмотрение вопросов, не относящихся к проверке соблюдения требований полож. о векселях. Так нотариус не входит в рассмотрение вопросов о праве юридического лица обязываться векселями, не проверяет действительности полномочия лица, подписавшего вексель или передаточную надпись по уполномочию, не проверяет подлинности подписей на вексель, протестуя его, хотя бы и был заявлен спор о подлоге, и т. д.

8. В день принятия векселя к протесту или на следующий день нотариальная контора или народный судья предъявляет векселедателю лично, письменно (в том числе оплаченной телеграммой) или письменно через сотрудника конторы требования о платеже по адресам, обозначенным в векселе или в заявлении векселедержателя, либо известным нотариальной конторе или народному судье, если эти адреса указаны в месте нахождения нотариальной конторы или камеры нарсуда.

9. В случае неизвестности адреса векселедержателя или проживания его вне города или поселения, где находится нотариальная контора или народный судья, протест производится без отправки требования о платеже.

10. Извещения надписателями посылаются лишь при наличии сведений об их адресах и при представлении денег на отсылку извещений.

11. В случае невнесения векселедателем платежа по векселю до срока, указанного в ст. 12 полож. о векс., т.-е. до 15 часов дня, следующего за предъявлением векселя, вексель в тот же день протестуется.

12. Протестом констатируется лишь факт непоступления денег на оплату векселя в срок, указанный в ст. 12 положения, и нотариальная контора или народный судья, протестуя вексель, не входит в рассмотрение причин непоступления платежа.

13. Никакие отсрочки не могут быть допускаемы, кроме случаев, когда на предъявляемые векселя должно быть распространено действие мораториума в порядке постановления ЦИК и СНК СССР от 14 ноября 1924 года.

14. По учинении на векселе надписи о протесте и после записи в реестр опротестованный вексель выдается векселедержателю или лицу, им уполномоченному.

15. В случае поступления платежа от векселедателя до указанного в ст. 12-й полож. о векс. срока вексель не протестуется и выдается лицу, оплатившему вексель, с надписью о получении платежа от векселедателя.

16. Вексель, писанный сроком во столько-то времени по предъявлении, может быть принят к протесту лишь по истечении указанного в нем срока со дня предъявления. Время предъявления векселя устанавливается отметкой векселедателя на векселе или удостоверением в порядке лит. «с» ст. 1-й и ст. 28-й полож. о гос. нот. нотариальной конторы.

17. Протест переводного векселя в непринятии производится тем же порядком (п.п. 1—9, 14), при чем требование акцепта предъявляется трассату.

Народный Комиссар Юстиции Курский.

28 апреля 1925 года.

Циркуляр № 85.

Губернским и областным судам и губернским и областным прокурорам.

О дополнении к циркуляру НКЮ от 15 сентября 1924 г. № 146.

Из отчетного материала, поступающего в НКЮ на основании п. 106—109 инструкции, утвержденной СНК, наблюдается неправильное понимание некоторых пунктов инструкции и вследствие этого допускаются аналогичные отступления от установленных правил у ряда подведомственных НКЮ учреждений.

Руководствуясь § 4 инструкции СНК, Народный Комиссариат Юстиции, в дополнение к циркуляру НКЮ от 15-го сентября 1924 г. № 146 поясняет:

1. Учет материальным ценностям, как-то: канцелярским принадлежностям, дровам, фуражу и прочему материалу должен вестись обязательно, независимо от размера оборотов, согласно указаний, данных п.п. 111—125 положения по счетоводству и отчетности для административных учреждений, изданного НК РКК СССР в 1924 г., составляя для сего ежемесячно оборотные ведомости по материалам (форма № 25).

2. Суммы, поступающие в фонд судебных исполнителей, должны учитываться согласно п. 8 циркуляра НКЮ—1924 г. по счету специальных средств, не относя их на счет деponentsов, как это наблюдается в некоторых губ. судах.

3. В виду необходимости учета всех поступающих средств, а также и правильного отражения операций по балансу, предлагается открыть вновь два счета, учитывающие местные доходы: а) по активу счет № 37 «Исполкома по местным доходам» и б) по пассиву № 38 «Счет местодоходов», проводя по этим счетам получения в местные доходы.

4. Для устранения неправильного учета заработной платы, не отвечающего § 47—50 инструкции, напоминает, что счет рабочих и служащих является статистическим, по которому учитывается лишь выданная зарплата с предварительным начислением причитающихся сумм, в тех случаях, когда имеются средства для выдачи зарплат. Сальдо счет этот ни в каком случае иметь не должен, т. к., согласно п. 48 инструкции, сумма начисленная должна списываться полностью по счету «Рабочих и служащих», не выданная же учитывается по счету «Деponentsов». Все выдачи в счет зарплаты не должны отражаться на счете рабочих и служащих и относятся за счет «Дебиторов».

5. Из отчетов по расходам ф. № 28 усматривается неправильное отражение фактически произведенных операций, отмечая в большинстве случаев по этому отчету движение кредиторов по кредитовой стороне сличительной ведомости, включая сюда и выдачи авансом. Подтверждается, что отчетная ведомость по расходам является оборотной ведомостью из бюджетной книги расходов, суммы каковой должны соответствовать как по движению, так и в остатке со счетами расходов по госбюджету и местным средствам в балансе.

6. Наблюдаются постоянные расхождения сумм сличительной ведомости со счетом открытых кредитов по государственному и местным бюджетам.

В сличительной ведомости необходимо указывать все движения, показанные по счету открытых кредитов, не допускать кредитования счета НКЮ по госрасходам при внесении сумм на восстановление кредитов, дебетуя этот счет (откр. кредитов) по кредиту соответствующего счета, за который производится восстановление: подчетных лиц, если вносятся неизрасходованная сумма из аванса; расходов, если вносятся суммы в возврат произведенных расходов, и так далее.

7. Во многих случаях замечается неправильный учет ассигновок выписанных, относя операции по кредиту использованных кредитов и дебету операционного счета: депозитных ценностей, подчетных лиц и т. д. Поясняется, что при пользовании этой парой счетов в момент выписки ассигновки ни в каких случаях не могут затрагиваться другие счета дебетуя счет «Ассигновок выписанных» по кредиту счета, «Использованных кредитов», с тем, чтобы по оплате ассигновки из местных средств, госбюджета, депозитов, без различия источников, эти парные счета взаимно закрывались, проводя совершенную операцию по подлежащим счетам.

8. Циркуляром НКЮ 1924 г. за № 167 предлагалось при первом отчете за октябрь и впоследствии при квартал-

ных отчетах представлять объяснительные записки по представленным формам, между тем, как некоторые учреждения совсем не представляют, а некоторые представляют при каждом отчете. Подтверждается, что объяснительные записки представляются лишь при отчете за октябрь и при всех квартальных и годовых отчетах.

9. При анализе поступающих балансов в некоторых учреждениях усматривается нарушение циркуляра НКЮ № 32—1924 года о недопустимости хранения сметных кредитов в ведомственных кассах и текущих счетах.

10. Из большинства отчетов и объяснительных записок усматривается неправильное отражение сумм по счету уездных местных учреждений по открытым кредитам, опуская совсем учет сумм, отпускаемым исполкомом для подведомственных учреждений, находящихся на местном бюджете помимо суда.

Считаясь с важностью учета сумм, расходуемых на нужды подведомственных учреждений, предлагается все отпускаемые по местному бюджету, как губернского, так и уездного значения кредиты, независимо от порядка финансирования, отражать в балансе, требуя для сего ежемесячного представления ведомостей, заверенных местным уфинотделом. По получении сличительной ведомости по кредитам, полученным подведомственными учреждениями, минуя губернский центр, бухгалтерия должна на полную сумму открытого кредита дебетовать счет «Уездных местных учреждений по открытым кредитам», минуя счет открытых кредитов по местному бюджету, с кредитованием счета «Исполкома по расходам из местных средств», на суммы, полученные из кассы НКФ уездными учреждениями на свои нужды, за исключением сумм, внесенных ими на восстановление кредита, кредитуются счет «Уездных местных учреждений по дебету счета «Расходов по местному бюджету». В конечном результате проводки сальдо по счету «Уездного учреждения» в книге лицевого счета должно соответствовать остатку свободных кредитов по представленной сличительной ведомости.

Народный Комиссариат Юстиции предлагает на будущее время руководствоваться настоящими указаниями, не отступая в процессе ведения счетоводства от правил, установленных инструкцией Совнаркома.

Вместе с тем для облегчения проверки отчетности по балансу предлагается на оборотной стороне поверочного баланса прилагать подробные указания о распределении бюджетных, специальных и депозитных сумм по соответствующим счетам баланса с тем, чтобы из этих сведений возможно было бы установить использование вышеперечисленных средств.

Народный Комиссар Юстиции Курский.

29 апреля 1925 года.

Циркуляр № 86.

Областным и губернским прокурорам.

КОПИЯ: ПРЕДСЕДАТЕЛЯМ ОБЛ. и ГУБ. СУДОВ.

Об изменении прокурором обвинительного заключения, составленного нарследователем, и о порядке представления обвиняемому материалов предварительного следствия.

Народный Комиссариат Юстиции разъясняет:

1. Дело, направленное следователем в порядке ст. 211 УПК, в случаях несогласия прокурора с данным в обвинительном заключении квалификацией деяния, независимо от того, что с изменением квалификации может измениться и подсудность дела, не подлежит направлению в суд для прекращения преследования по указанной следователем в обвинительном заключении и вызвавшей разногласие статье УК

и возбуждения преследования по новой статье, по с измененным в порядке ст. 229 обвинительным заключением направляется непосредственно прокурором в подлежащий суд; такой же порядок должен быть применяем и в случаях несогласия распорядительного заседания с квалификацией деяния, данной в обвинительном заключении по делу.

2. В случаях, когда обвинение предъявлено по нескольким статьям УК и прокурор находит, что по части этих статей преследование подлежит прекращению, он, пересоставив обвинительное заключение, входит в порядке ст. 228 в суд с предложением о прекращении дела по этим статьям, при чем, если отпадающие статьи определяют подсудность дела губернскому суду, все дело направляется в последний.

3. Предъявление следователем обвиняемому материалов предварительного следствия в порядке ст. 20 УПК должно производиться только один раз, при чем в случае возбуждения обвиняемым ходатайства о дополнении следствия следователь, признав то или иное ходатайство заслуживающим уважения, точно перечисляет в своем постановлении о выполнении требования ст. 207 те дополнительные следственные действия, которые вытекают из удовлетворенного ходатайства.

4. Отсылка дела для выполнения требования ст. 207 по месту пребывания обвиняемого, если таковое не совпадает с местом пребывания следователя, должна допускаться только в случаях нахождения обвиняемого под стражей, в остальных же случаях, как общее правило, следователь, по окончании следствия, извещает об этом обвиняемого, назначая при этом определенный срок, в течение коего обвиняемый может явиться в камеру следователя для обозрения дела.

5. Предъявление материалов по делу, по коему привлечено несколько обвиняемых, может иметь место только по окончании следствия в отношении всех обвиняемых.

Народный Комиссар Юстиции Курский.

30 апреля 1925 года.

Циркуляр № 87.

Областным губернским прокурорам и судам.

Об отмене циркуляра НКЮ № 21—1923 г.

В связи с изменением редакции ст. 95 У. К., согласно постановления ВЦИК от 16-го октября 1924 г. и действием И. Т. К., коим (ст. ст. 212, 213, 214 и 145) предусматривается порядок разрешения вопросов о побеге и покушениях на побег заключенных, циркуляр НКЮ за № 21—1923 г. («Еж. Сов. Юст.» № 4—5—1923 г.), как утративший свое значение, считать аннулированным.

Народный Комиссар Юстиции и Прокурор Республики
Курский.

30 апреля 1925 года.

Циркуляр № 88.

Всем губ. и обл. (краевым) прокурорам.

КОПИЯ: ГУБСУДАМ, ОБЛСУДАМ, КРАЙСУДАМ.

О недопустимости при производстве дознания и следствия обращаться в банковские учреждения с требованием о задержании похищенных ценных бумаг на предъявителя и их предъявителей.

Постановлением ЦИК СССР от 16 января с. г. («Изв. ЦИК СССР и ВЦИК» от 1 февраля № 26) установлено, что истребование от добросовестных приобретателей ценных бумаг на предъявителя и банковых билетов не допускается, хотя бы они были ранее утеряны, похищены или принадлежали государственному учреждению или предпрятию.

Между тем, в случаях похищения ценных бумаг на предъявителя, от органов дознания и следствия направляются сообщения в некоторые банковские учреждения с требованием о задержании означенных бумаг и даже их предъявителей.

Таковыми действиями безусловно нарушаются интересы денежного оборота, т. к. даже единичные случаи задержания добросовестного владельца такой ценной бумаги или только самой бумаги могут повлечь резкое падение интереса населения к приобретению этих бумаг. Практических же результатов распоряжения о таком задержании не могут дать, т. к. похитители будут сбывать указанные ценности в других городах, а извещать все без исключения банковские учреждения Союза, особенно в течение короткого срока, невозможно.

В виду изложенного НКЮ предлагает при производстве дознания и следствия от предъявления указанных требований учреждениям Госбанка и НКФина воздерживаться.

Народный Комиссар Юстиции и Прокурор Республики
Курский.

Циркуляр № 89.

Всем губ. и обл. прокурорам.

О порядке направления дел на приостановление до розыска заподозренных лиц.

В связи с изменениями ст. 105 УПК предлагается Вам указать органам дознания следующий порядок направления дел на приостановление до розыскания заподозренных лиц:

1) Дела по обвинению в преступлениях, за которые срок лишения свободы не превышает 1 года, направляются применительно к п. 2 ст. 105 УПК на приостановление по подсудности в соответствующий парсуд.

2) Если же статья УК предусматривает наказание свыше 1 года лишения свободы, то дела до розыска заподозренных лиц направляются на приостановление применительно к п. 3 ст. 105 УПК соответствующему нарследователю.

3) Для возобновления дел, приостановленных в порядке п. 1 настоящего циркуляра, требуется определение суда, а в порядке п. 2—постановление следователя.

4) И в том и в другом случае производство по приостановлении должно быть немедленно возвращаемо органу дознания, где оно и хранится до розыска заподозренных лиц.

Народный Комиссар Юстиции и Прокурор Республики
Курский.

30 апреля 1925 года.

Циркуляр № 90.

Губернским (областным) судам.**О ведении учета судебным пошлинам.**

Вследствие отношения Управления Госдоходами Наркомфина РСФСР от 16-го сего апреля за № 622014, в видах правильного установления доходной сметы НКЮ, Народный Комиссариат Юстиции предлагает всем судебным учреждениям вести по ранее установленному инструкцией НКФ от 14 июля 1923 г. об операциях с герб. знак. порядку учет не только тем судебным пошлинам, которые уплачиваются судебно-пошлинными марками, но и всем без исключения пошлинным сборам, поступающим наличными деньгами.

Зам. Народного Комиссара Юстиции
Крыленко.

30 апреля 1924 г.

Циркуляр № 94.

**Всем губернским и областным судам
и прокурорам****Об оказании активного содействия губстатбюро при учете численности служащих госучреждений.**

В целях исчисления общей численности служащих государственных учреждений и торговых предприятий и выявления изменений, происшедших в этом отношении за время с 1/VII—24 г., Центральное Статистическое Управление на основании постановления СНК СССР от 4/III—24 г. проводит единовременный учет численности служащих всех госучреждений на 1/V—25 года.

При проведении учета по органам Народного Комиссариата Юстиции предлагается всем областным и губернским судам и прокурорам оказывать активное содействие губстатбюро в выполнении возложенной на них задачи и по соглашению с губстатбюро своевременно дать распоряжение всем подведомственным уездным органам НКЮ о доставлении указанных губстатбюро сведений.

Народный Комиссар Юстиции

и Прокурор Республики Курский.

7-го мая 1925 г.

О п о ч а т к и.

В № 11 «Ежен. Сов. Юст.», стр. 285, 2-й столбец, в цирк. НКЮ № 62, 5 стр., вместо слов: «вынося их, сообщают о том губфинотделам» следует читать: «вынося их, не сообщают о том губфинотделам».

В № 12 «Ежен. Сов. Юст.», стр. 296, второй столбец, 28 стр., вместо слов: «консультант юрид. консультации при газете «Рабочая Газета» Б. Мовчановский» следует читать: «консультант юрид. консультации при газете «Рабочая Москва».

В № 16 «Ежен. Сов. Юст.», стр. 446, 7 стр., 1-й столбец, напечатано: «Циркуляр № 28» следует читать № 82.

Поправка.

В № 13 «Ежен. Сов. Юст.», стр. 350, 1-й столбец, 7 строка снизу, напечатано «На основании 32 ст. пол. о судоустройстве» следует читать «На основании 15 ст. пол. о судоустройстве».

О Т Р Е Д А К Ц И И.

1. Редакция просит авторов присылать рукописи, по возможности, перепечатанные на машине или написанные четким почерком на одной стороне листа.

2. Редакция оставляет за собой право сокращений и редакционных поправок, не влияющих на содержание, если нет прямого возражения автора.

3. Непринятые рукописи авторам обратно не возвращаются.

Для ответов на всякого рода запросы должна быть приложена почтовая марка.

4. Гонорар получается в редакции самими авторами. Иногородным высылается за вычетом почтовых расходов, если указан точно адрес.

Издатель { Юридическое Издательство НКЮ РСФСР.

Ответственный Редактор
Редакционная Коллегия

{ Н. Крыленко.
Я. Бранденбургский.
С. Прушицкий.

НАХОДИТСЯ В ПЕЧАТИ КНИГА

ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС РСФСР

с постатейно-систематизированными материалами.

Составлена и отредактирована коллективно работниками НКЮ и Верховсуда РСФСР Бродницким, Ганиным, С. Зайцевым, Изволенским и Лебедевым с участием в редактировании тезисов решений ВАК Теплицкого.

Под общей редакцией председателя гражданской кассационной коллегии Верховсуда РСФСР Александровского.

С предисловием Члена Коллегии НКЮ Бранденбургского.

Содержание ее—систематизированные по статьям Гражданского Кодекса официальные материалы. Книга исчерпывает законодательные акты, циркуляры НКЮ и Верховсуда РСФСР, разъяснения пленума Верховсуда РСФСР, кассационную практику гражданской кассационной коллегии Верховсуда РСФСР, ведомственные циркуляры по вопросам гражданского материального права, разъяснения Отдела Законодательных Предположений и Кодификаций НКЮ, практику Высшей Арбитражной Комиссии. Книга снабжена постатейным библиографическим указателем литературы по гражданскому материальному праву и алфавитно-предметным указателем. Материалы будут доведены до 1 апреля 1925 года.

Книга содержит в себе около 50 печатных листов большого формата.

Предполагаемая цена книги 4 руб.

В целях точного выяснения тиража книги и гарантии получения всеми желающими ее иметь Юридическое Издательство теперь же **отырывает на книгу предварительную подписку.**

Все предварительно подписавшиеся обеспечены удовлетворением.

Все, приславшие до 15 мая задаток в размере 2 р. за экземпляр, получают скидку в 20%.

Выход книги ожидается к 1 июля 1925 г.

Вышла из печати и поступила в продажу книга:

УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РСФСР

с постатейно-систематизированными материалами.

СОДЕРЖАНИЕ: Текст Уголовного Кодекса РСФСР. Постатейно расположенные официальные материалы законодательного и ведомственного характера (декреты и постановления Р.-К. Правительства, инструкции, ведомственные распоряжения, циркуляры Наркомюста, разъяснения пленума и циркуляры Верховсуда РСФСР). Систематический указатель литературы. Подробный алфавитно-предметный указатель.

Книга составлена и отредактирована коллективно работниками Наркомюста РСФСР С. С. Аекархановым, Т. П. Зайцевым, А. Н. Иодковским, В. В. Соколовым и В. П. Усовым.

Объем книги около 600 страниц убористой печати. Цена 3 руб. 50 коп.

Тираж ограничен.